

The background of the cover is a detailed illustration of a woman with long, dark, wavy hair, wearing a dark, ornate, sleeveless gown with intricate patterns. She is looking over her shoulder towards the viewer. The setting is a fantastical, gothic-style garden at night. To the left, there is a statue of a woman in a long dress, surrounded by purple flowers and vines. In the background, a large, dark castle with many spires and towers is visible under a full moon. The scene is lit with warm, golden light from lanterns and the moon, creating a mysterious and romantic atmosphere.

Юлия Елес

ПОКА
ЗВУЧИТ
ТЬМА

КНИГА 3

ВЫБОР,
КОТОРЫЙ РАНИТ

Юлия Елес

**Пока звучит тьма. Книга
3. Выбор, который ранит**

«Автор»

2026

Елес Ю.

Пока звучит тьма. Книга 3. Выбор, который ранит / Ю. Елес —
«Автор», 2026

Семьдесят дней Мираэль не было дома. Теперь Эрэбия вновь встречает свою наследницу — объятиями, тревогой и вопросами, на которые нельзя ответить честно. Она вернулась с воспоминаниями, которые у неё отняли, и чувствами, от которых невозможно спрятаться. Каэль ждал её возвращения. Но тот, кто остался по другую сторону миров, по-прежнему занимает место в её сердце. Пока родители пытаются защитить дочь, Хранители ищут следы древней магии, а опасные тайны постепенно выходят на поверхность, Мираэль предстоит научиться самому сложному — жить с последствиями собственных решений. Ведь иногда забота становится клеткой, любовь не даёт простых ответов, а правда способна разрушить всё, что дорого. И как сделать выбор, если любой из них причинит боль?

© Елес Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пока звучит тьма. Книга

3. Выбор, который ранит

ГЛАВА 1

Семьдесят дней



До галереи я не дошла. Шаги, которые ещё недавно слышались за аркой, неожиданно стихли. Видимо, кто-то свернул в боковой коридор, так и не выйдя в сад. Я успела пройти всего несколько шагов по светлой каменной дорожке и уже мысленно пыталась решить, какое выражение лица должно быть у человека, который отсутствовал больше двух месяцев, внезапно вернулся в королевский сад и совершенно не представлял, кого встретит первым.

Наверное, что-нибудь достойное. Спокойное. Всё-таки наследница Эрэбии возвращается домой — красиво, торжественно, как и полагается. Но тут тень под ближайшим деревом дёрнулась, и я остановилась.

Не от страха. Сердце просто раньше меня поняло, что произошло. Тёмное пятно у корней сорвалось с места, пронеслось через дорожку и одним движением поднялось вверх. Очертания человеческой фигуры сложились прямо на ходу — короткие чёрные волосы, знакомое лицо, чёрные глаза с крошечными звёздными искрами.

— Морв...

Закончить я не успела. Он врезался в меня всем телом. И если раньше я сомневалась, способен ли человек, который при желании вообще существует в виде тени, сломать мне рёбра объятиями, вопрос был закрыт. Окончательно.

— Ты совсем охренела?!

Вот. Дом. Я засмеялась прежде, чем поняла, что глаза уже мокрые. Руки сами сомкнулись у него на спине.

— Морвэн...

— Нет. Даже не начинай.

Он сжал меня ещё сильнее.

— Ты сейчас стоишь молча и думаешь о своём поведении.

— Я только вернулась!

— Тем более. Самое время.

— Я вообще-то...

— Семьдесят дней.

Я замерла. Морвэн даже не ослабил объятий.

— Что?

— Семьдесят. Дней.

Теперь каждое слово прозвучало отдельно.

— Десять недель, если тебе так приятнее.

Смех исчез, и на несколько секунд даже сад вокруг будто стал тише. Семьдесят. Я знала, что прошло много времени, ещё там понимала, что счёт давно перевалил за пятьдесят. Но «пятьдесят с лишним» оставалось чем-то расплывчатым, почти удобным — числом, которое можно было не доводить до конца.

Семьдесят было уже настоящим. Десять недель. Мама. Отец. Казль. Морвэн. Все они прожили десять недель, не зная, вернусь ли я вообще.

Я закрыла глаза и прижалась к нему крепче.

— Чёрт.

— Именно.

— Я не знала, что столько.

— Это ничего. Я за тебя знал.

Я тихо фыркнула ему в плечо.

— Как заботливо.

— Я вообще образец поддержки.

Руки Морвэна наконец чуть ослабли — ровно настолько, чтобы он мог отодвинуться и заглянуть мне в лицо. Он молчал секунды две. Потом взял меня за подбородок и повернул голову к свету ближайших цветов.

— Эй.

Он проигнорировал меня, осмотрел сначала одну щёку, потом другую, скользнул взглядом по шее и убрал волосы с моего плеча.

— Морвэн.

— Не мешай.

— Чему?

— Инвентаризации.

Я уставилась на него.

— Я вещь?

— В данный момент — подозрительно вернувшееся имущество.

— Я кронпринцесса.

— Ещё хуже. Такое имущество дорого восстанавливать.

— Придурок.

— Говорит женщина, пропавшая на семьдесят дней.

Он перехватил сначала одно моё запястье, затем другое, осмотрел ладони и придирчиво оглядел меня с головы до ног. После чего отступил на полшага.

— Повернись.

— Нет.

— Мираэль.

— Я не буду крутиться перед тобой.

— Тогда я сам.

— Даже не...

Он действительно обошёл меня кругом. Я повернула голову вслед.

— Ты издеваешься?

— Проверяю, не отсутствует ли какая-нибудь важная часть.

— Всё на месте!

Морвэн вернулся передо мной. Посмотрел вниз.

— Ноги две.

— Спасибо.

— Руки две.

— Потрясающе.

— Голова...

Он задумался.

— Тут сложнее.

Я ударила его ладонью в плечо. Он довольно улыбнулся. Вот. Теперь узнаю.

— Значит, координация тоже сохранилась.

— Ещё раз назовёшь это проверкой — получишь по второй стороне.

— Агрессия. Хороший признак.

Я хотела возразить, но вместо этого вдруг снова улыбнулась. Не потому, что он был особенно смешным, а потому, что стоял передо мной — настоящий, раздражающий, наглый, с тем же выражением лица, которое четырнадцать лет сообщало мне, что абсолютно любое моё решение можно улучшить его комментарием.

Я скучала. Господи, как же я скучала.

Наверное, что-то отразилось на лице, потому что Морвэн внезапно перестал изображать лекаря, следователя и тюремщика одновременно.

— Не смотри так.

— Как?

— Вот так.

— Очень конкретно.

— Ты сейчас опять полезешь обниматься.

Я уже полезла.

— Поздно.

— Я знал.

На этот раз он даже не сделал вид, что возражает. Я обхватила его руками и уткнулась носом куда-то в плечо.

— Паршивец.

— Беглянка.

— Я не беглянка.

— Отсутствовала семьдесят дней без разрешения.

Я отстранилась.

— Чьего?

— Моего.

— С каких пор мне требуется твоё разрешение?

— С сегодняшнего дня.

— Нет.

— Да.

— Морвэн.

— Мираэль.

Я прищурилась. Он совершенно спокойно сообщил:

— Кстати, ты наказана.

— Что?

— Триста лет.

— Чего?

— Домашнего ареста.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Я жертва.

— Не вижу противоречия.

— Меня вообще-то похитила жизнь!

— Очень трогательная защита.

— Я не исчезла специально!

— Я это учёл.

— Каким образом?

— Изначально было пятьсот.

Я расхохоталась. Не смогла удержаться.

— Ты больной.

— А ты пленница.

— Ты тень.

— И?

— У тебя нет тюрьмы.

Морвэн оглядел сад.

— Уже есть.

— Это королевский сад!

— Теперь тюрьма.

— Мой отец будет удивлён.

— Пусть подаёт жалобу.

— Кому?

Морвэн задумался.

— Мне.

— Очень удобно.

— Я вообще неплохо устроился.

Я продолжала смеяться. И вот это наконец ощущалось настоящим возвращением. Не переход. Не камень под ногами. Не запах цветов. Даже не дворец перед глазами. А Морвэн, который за первые пять минут моего появления незаконно присвоил королевский сад, приговорил наследницу к трём векам заключения и выглядел совершенно удовлетворённым результатом.

Я вытерла щёку тыльной стороной ладони.

— И что, триста лет будешь ходить за мной?

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро, и я посмотрела на него внимательнее. Морвэн лишь пожал плечом.

— Мне всё равно нечем заняться.

— Врёшь.

— Конечно.

Несколько секунд мы молчали, и эта тишина не тяготила: впервые за всё это время ни одному из нас не нужно было заполнять её словами.

Морвэн всё ещё стоял слишком близко, словно сегодня расстояние больше вытянутой руки даже не рассматривалось. Почему-то от этого в груди снова защемило.

— Ты почувствовал меня? — спросила я.

Морвэн чуть склонил голову.

— Практически сразу.

— И просто прибежал?

— Нет.

— Нет?

— Очень достойно приблизился с максимально возможной скоростью.

Я улыбнулась.

— То есть прибежал.

— Я тень. У нас другое достоинство.

— Конечно.

Он посмотрел на меня.

— Я не собирался ждать, пока кто-нибудь ещё тебя найдёт.

Это прозвучало уже без насмешки, чуть серьёзнее обычного. Я ничего не ответила, а Морвэн не стал продолжать: лишь протянул руку и слегка дёрнул меня за прядь волос. Привычно. Почти раздражающе.

И всё вернулось на место. Почти. Я сделала шаг в сторону скамьи. И только тогда заметила, что тень у моих ног отозвалась на движение чуть медленнее обычного. Тонкая тёмная

полоска скользнула по камню и собралась обратно. Морвэн тоже заметил. Его взгляд задержался на тёмной полоске, затем медленно поднялся к моему лицу.

Усмешка исчезла. Я ничего не сказала, хотя Морвэн наверняка хотел спросить, что произошло. Но впервые за долгое время он предпочёл промолчать.

— Потом, — произнёс он наконец.

Я кивнула.

— Потом.

Морвэн отвёл взгляд первым и прошёл к дереву.

— Я не собираюсь спрашивать, где ты была.

— Как великодушно.

— Пока.

Вот это уже больше на него похоже.

— Не привыкай, — добавил он.

Я невольно улыбнулась. Морвэн провёл пальцами по коре дерева.

— И не потому, что мне неинтересно. Просто некоторые разговоры не ведут в саду под окнами дворца.

В груди неприятно похолодело. Я не знала, что именно он понял, и помогать ему складывать картину сейчас не собиралась.

Морвэн повернулся ко мне, несколько секунд смотрел, а затем подошёл без привычной театральности и просто остановился напротив.

— Главное другое.

— Что?

Он положил ладонь мне на затылок и притянул к себе. Не резко. На этот раз совсем нет. Лоб на мгновение коснулся моих волос.

— Ты вернулась целая.

Он говорил настолько тихо, что я едва расслышала слова. Вот. Ни «я боялся», ни «я страдал», ни длинной исповеди — Морвэн никогда не умел так.

И не должен. Но его пальцы чуть сильнее сжались у меня на затылке. Этого хватило. Я закрыла глаза.

— Целая, — повторила я.

Пауза.

— В основном.

Он моментально отстранился.

— В основном?!

Я рассмеялась.

— Господи, Морвэн.

— Что значит «в основном»?

— Это была шутка!

— Отвратительная.

— Тебе можно, а мне нельзя?

— Да.

— Почему?

— Потому что у меня талант.

— У меня тоже.

— Нет.

Я снова ударила его в плечо.

— Вот за это я не скучала.

— Врёшь.

— Конечно.

Он улыбнулся. И я тоже. Потом мы оба почему-то посмотрели в сторону дворца. Там по-прежнему горели окна. Жил дом. За этими стенами меня ждали люди, которые ещё не знали, что я стою всего в нескольких десятках шагов. Но Морвэн не потянул меня туда.

Не сказал, что надо немедленно идти. Не стал звать никого. Вместо этого сел на край старой скамьи так, будто мы встретились после обычного долгого дня. Я посмотрела.

— Что ты делаешь?

— Отбываю твой домашний арест вместе с тобой.

— Очень благородно.

— Я невероятный.

Я села рядом. Он тут же придвинулся ближе. Плечо к плечу.

— Ты серьёзно теперь не отойдёшь?

— Нет.

— Даже на метр?

— Особенно на метр.

— Я собиралась вообще-то вернуться к нормальной жизни.

— Уже не получится.

— Почему?

— Я в ней.

Я фыркнула. Невыносимый. Несколько секунд мы сидели молча: я смотрела на пруд, мягкое отражение огней и цветы вдоль дорожки, а Морвэн — не знаю куда.

Наверное, на меня. С его характером вполне возможно.

— Я скучала, — сказала я.

Он не повернул головы.

— Я знаю.

— Самоуверенный.

— Четырнадцать лет опыта.

Я улыбнулась.

— А ты?

Пауза. Совсем короткая.

— Нет.

Я толкнула его плечом.

— Морвэн.

— Я прекрасно отдыхал.

Ещё сильнее.

— Совершенно спокойные семьдесят дней.

— Гад.

— Никто не исчезал. Никого не приходилось искать. Никому не хотелось придушить половину известных миров.

Я перестала улыбаться, и Морвэн тоже. Мы обменялись одним коротким взглядом — этого оказалось достаточно. Он отвернулся первым.

— В общем, великолепно провёл время.

Я тихо выдохнула.

— Прости.

— Я уже назначил наказание.

— Триста лет.

— И один день.

— За что день?

— За плохие шутки.

— Тогда тебе пожизненно.

— Я бессмертнее тебя. Невыгодная сделка.

Я рассмеялась. Вот так лучше. Не потому, что серьёзного не произошло. А потому что оно уже стояло между нами и не требовало, чтобы мы ещё десять раз называли его вслух. Я прислонилась головой к его плечу. Морвэн ничего не сказал. Только устроился чуть удобнее и на мгновение коснулся виском моего.

Я закрыла глаза. Сегодня нам обоим хватило этого молчания. Первым меня нашёл Морвэн. Конечно. Кто ещё мог настолько бесцеремонно вломиться в моё возвращение домой раньше, чем я успела сделать хотя бы десять шагов. И знаете что? Я была этому безумно рада.

Пусть дворец подождёт ещё несколько минут. Семьдесят дней они прожили без меня, а Морвэн свои пять минут уже заслужил. Правда, даже этих минут нам не дали. Я ещё сидела, прислонившись головой к плечу Морвэна, когда воздух впереди изменился. Сначала почти незаметно. Лёгкое давление.

Я подняла голову, Морвэн тоже. Между деревьями вспыхнула тонкая вертикальная линия; серебро разошлось в стороны, и переход открылся — быстро, чисто, без единой лишней искры.

Я перестала дышать. Каэль вышел из него одним шагом. И остановился. Просто остановился. Переход за его спиной закрылся. Серебряный свет исчез.

А он так и остался стоять посреди дорожки. Несколько метров. Всего несколько метров между нами.

Я видела его лицо по-настоящему — не во сне, не на чужом берегу, не через связь, которая могла оборваться в любую секунду. Здесь.

Светлые волосы, знакомые плечи, тёмная одежда Хранителя и глаза, которые нашли меня сразу и больше никуда не смотрели.

Он не сказал ничего. Даже не двинулся сначала.

Каэль. Мой Каэль. У меня внутри что-то сорвалось. Я повернула голову к Морвэну. Он уже смотрел на меня. Понял.

Конечно. Я только коротко кивнула.

Прости.

Уголок его губ едва заметно дёрнулся.

Иди.

Я вскочила со скамьи и побежала, совершенно забыв о достоинстве наследницы и о том, как выгляжу со стороны. Каэль бросился навстречу, и мы столкнулись примерно посередине дорожки. Его руки сомкнулись вокруг меня с такой силой, что воздух вышел из лёгких. Я обхватила его за плечи. Прижалась всем телом. Сильно. Будто каким-то образом могла компенсировать этим десять недель.

Каэль ничего не говорил, только уткнулся лицом мне в волосы и крепко держал. Я чувствовала его неровное, слишком глубокое дыхание; пальцы на моей спине сжались ещё сильнее. Вот тогда я окончательно поняла, насколько плохо ему было.

Не по словам. Он почти никогда не умел словами. По тому, как сейчас держал меня человек, который обычно контролировал всё — голос, лицо, движения, даже паузы между ответами. Сейчас контроля почти не осталось.

— Я здесь, — прошептала я.

Руки вокруг меня дрогнули.

— Знаю.

Голос прозвучал глухо. Я закрыла глаза.

— По-настоящему.

Каэль сделал резкий вдох.

— Знаю.

Но он не отпускал, и я тоже не разжимала рук. Господи, именно этого мне не хватало: тепла его тела, знакомого запаха, его рук и того совершенно особенного ощущения безопасности, которое всегда приходило рядом с ним раньше мысли.

Дом. Тоже. Другой. Но дом.

И от этого стало так больно, что захотелось одновременно смеяться и плакать. Потому что совсем недавно я стояла в другом мире, в других объятиях — и думала почти то же самое.

Чёрт.

Я сильнее зажмурилась. Не сейчас. Пожалуйста. Только не сейчас. Каэль чуть отстранился. Я почти инстинктивно потянулась следом. Он не отпустил.

Он просто хотел посмотреть на меня. Его светло-голубые глаза скользнули по моему лицу, и я заметила разницу: во сне Каэль был истощён, почти разрушен поисками, а теперь выглядел лучше. Но спокойствия в нём всё равно не было.

Не того настоящего каэлевского спокойствия, от которого иногда хотелось встряхнуть его за плечи и спросить, способен ли он вообще реагировать как нормальный человек. Сейчас всё было прямо на поверхности: облегчение, неверие, счастье и страх, который ещё не успел понять, что ему уже можно уходить.

Каэль поднял ладонь. Коснулся моей щеки. Очень осторожно. Будто всё ещё проверял. Я прижалась к его руке. Глаза у него закрылись на секунду. Только на одну.

Потом снова открылись.

— Цела?

Вот и весь Каэль. Я почти рассмеялась.

— Да.

Он нахмурился.

— Мираэль.

— Правда.

— Болит что-нибудь?

— Нет.

— Голова?

— Нет.

— Ты уверена?

— Каэль.

Он замолчал. Но ладонь с моей щеки не убрал. Вторая всё ещё лежала на талии.

— Я цела.

Он ещё несколько секунд смотрел на меня, затем перевёл взгляд на руки, плечи и снова на лицо. Не вопрос — та самая проверка: ему нужно было убедиться самому.

Я позволила.

После Морвэна сегодня сопротивляться второму осмотру становилось уже вопросом принципа, но Каэлю я почему-то простила. Наверное, потому что его пальцы чуть дрожали. Совсем едва. Если бы не смотрела специально — не заметила бы.

— Ты похудела.

— Начинается.

Уголок его губ дрогнул. Вот. Первая почти-улыбка.

— Это не шутка.

— Морвэн уже провёл инвентаризацию.

Каэль впервые перевёл взгляд за моё плечо. Я тоже обернулась. Морвэн всё ещё сидел на скамье, развалившись с таким видом, будто происходящее его совершенно не интересовало. Когда понял, что мы смотрим, поднял руку.

— Я всё ещё здесь.

Каэль молчал. Морвэн тяжело вздохнул.

— Ладно.

Он поднялся.

— Так и быть.

Посмотрел на меня.

— Пять минут.

Я уставилась.

— Что?

— Пять.

— Ты серьёзно?

— Более чем.

Он указал куда-то в сторону ближайшего дерева.

— Я буду там.

— Морвэн...

— За деревом.

— Я вижу дерево.

— Отлично. Значит, знаешь, где искать надзирателя.

Каэль медленно посмотрел на меня.

— Надзирателя?

— Не спрашивай.

Морвэн уже отходил.

— И наказание никто не отменял!

— Да иди ты!

— Триста лет и один день!

— Уже один?!

— За плохую шутку!

Я услышала тихий выдох рядом. Посмотрела на Каэля. Он почти улыбался. По-настоящему. Совсем немного.

— Что?

— Ничего.

— Нет. Теперь это слово запрещено вообще всем.

— Я просто рад, что некоторые вещи не изменились.

У меня внутри защемило.

— Да.

Морвэн добрался до дерева. Обернулся.

— Я всё слышу!

— Тогда отойди дальше!

— Нет!

И исчез в тени. Разумеется. Я посмотрела туда ещё секунду. Потом снова на Каэля. И вдруг стало тихо. Совсем по-другому, чем секунду назад. Без Морвэна между нами.

Без его шуток. Без дерева, которое официально стало постом охраны. Только мы.

— Как ты узнал, что я вернулась? — спросила я.

Каэль опустил взгляд на моё запястье.

— Браслет снова отозвался.

Я машинально коснулась металла.

— Ты почувствовал?

— Связь. Впервые за семьдесят дней.

Он ненадолго замолчал.

— Потом нашёл твой след в саду.

Я посмотрела на него. Каэль говорил об этом так просто, будто найти меня было самым обыкновенным делом. Но я прекрасно помнила, как он пытался сделать то же самое прежде. И как всякий раз получал в ответ пустоту.

— Значит, теперь работает, — тихо сказала я.

Его ладонь на моей талии чуть крепче прижала меня.

— Теперь да.

Мы так и стояли друг напротив друга, почти не оставляя между собой расстояния. Рука Каэля медленно соскользнула с моей талии — не потому, что он хотел её убрать, а скорее потому, что вдруг не знал, можно ли оставить. Это маленькое движение неожиданно отозвалось болью.

Я сама шагнула вперёд и обняла его снова — уже без разбега, без отчаяния первых секунд, просто положив голову ему на грудь. Каэль замер, но потом его руки медленно сомкнулись вокруг меня, на этот раз мягче.

Я услышала его сердце. Быстрое. Каэль. У которого сердце, оказывается, тоже умеет так.

— Я очень скучала, — сказала я.

Тишина. Руки вокруг меня сжались.

— Очень.

Голос подвёл на последнем слове. Совсем немного. Я ненавидела всё. Не его. Ситуацию. Себя. Мир.

Любовь как концепцию. Особенно любовь как концепцию. Потому что я говорила правду. Абсолютную. Я скучала по Каэлю так сильно, что иногда имя само всплывало в голове там, где я пыталась думать совсем о другом. Скучала по его молчанию. По раздражающе коротким ответам.

По тому, как он всегда подавал руку перед переходом, хотя я давно могла шагать сама. По светлым волосам в темноте. По взгляду, который иногда говорил больше, чем он собирался позволить. По человеку, который несколько лет постепенно стал частью моей жизни настолько незаметно, что однажды я просто перестала представлять её без него.

Я любила его. Не воспоминание, не привычку и не ту спокойную жизнь, которая осталась до моего исчезновения. Самого Каэля. Мужчину, который сейчас держал меня в объятиях и по которому я скучала сильнее, чем умела объяснить. И от этой ясности ничего не становилось проще. Стоя в саду после семидесяти дней отсутствия, с его руками вокруг меня, я знала это совершенно точно.

И какая-то особенно глупая часть меня до последней секунды надеялась, что будет иначе. Что я увижу Каэля — и получу ответ. Что сердце каким-то образом само разберётся, кого любит правильно. Смешно. Сердце посмотрело на всю ситуацию, решило, что одной проблемы мне мало, и уверенно подтвердило:

Да. Этого тоже.

Я закрыла глаза. И сразу услышала другой голос.

Ты увидишь Каэля.

Не сейчас.

По-настоящему.

Замолчи.

Будешь рядом с ним.

Я сильнее сжала ткань на спине Каэля. Он почувствовал.

— Что?

— Ничего.

Чёрт. Теперь я использовала запрещённое слово. Каэль чуть отстранился.

— Мираэль.

— Всё хорошо.

Он смотрел. Это никогда не работало. Ни раньше. Ни сейчас.

— Не всё.

Не вопрос. Конечно. Я отвела глаза.

— Я только вернулась.

— Знаю.

— Можно я хотя бы полчаса побуду человеком, у которого всё хорошо?

Каэль помолчал.

— Можно.

Вот. Без давления. Без следующего вопроса. Он снова притянул меня к себе. И от этого стало только хуже. Потому что я должна была ему сказать. Не сейчас.

Я знала. Не здесь. Не в саду. Не в первые пять минут после возвращения. Но однажды. Каэль имел право знать. Хотя бы часть.

Нет. Не часть.

Это.

Меня тошнило от самой мысли. Я стояла в его руках. А на губах памятью всё ещё мог остаться другой поцелуй. На коже — прикосновения. В голове — голос.

Если всё ещё захочешь быть со мной — тогда приходи.

Господи. Я прижалась лбом к груди Каэля. Может, Лаксиан был прав. Нет. Хуже. Он был совершенно прав. Я должна была вернуться.

Увидеть Каэля. Почувствовать это. Не решать из Пустоты, где рядом каждый день был только один человек, где пережитое смешалось с восстановленной памятью, болью, благодарностью и близостью. Теперь я была здесь. В Эрэбии. В руках Каэля. И что?

Ничего не стало проще. Совсем. Если что-то и изменилось, то только одно. Теперь я больше не могла даже притвориться, что ответ очевиден.

— Ты опять думаешь, — тихо сказал Каэль.

Я чуть не рассмеялась. Господи, два человека, которые одинаково ненавидят мои бесконечные размышления и одинаково легко замечают, когда я снова в них погружаюсь. Оба каким-то образом стали для меня настолько близкими, что теперь любое сравнение само по себе казалось предательством.

— Пытаюсь вспомнить, как это делается.

— Что?

— Быть дома.

Каэль замер. Потом ладонь медленно прошла по моей спине.

— Не обязательно сразу.

Вот. Всего три слова. И снова больно.

— Вы все сегодня подозрительно разумные.

— Кто все?

Я закрыла глаза. Опасно.

— Морвэн.

Каэль тихо фыркнул.

— Неожиданно.

Пронесло. Я чуть расслабилась. Он почувствовал и это. Конечно.

— Я не буду сейчас спрашивать.

Я подняла голову. Каэль смотрел спокойно. Почти. Но теперь я уже видела, сколько усилий стоит это «спокойно».

— Вообще?

— Нет.

— Честно.

— Очень.

Уголок моих губ дрогнул.

— Когда?

— Когда ты сможешь ответить.

Пауза.

— Или когда я перестану выдерживать.

Вот это уже больше на него похоже. Я тихо рассмеялась.

— И сколько у меня?

Каэль задумался.

— Меньше трёхсот лет.

— Все сегодня издеваются надо мной.

— Значит, ты действительно дома.

Я смотрела на него. И вот теперь улыбка исчезла сама. Дом. Да. Каэль был частью этого слова задолго до того, как я вспомнила другое прошлое. Это не исчезло. Никуда.

Я подняла руку и коснулась его лица. Провела пальцами по щеке. Он не двигался. Просто смотрел. Во сне я уже делала почти то же самое. Но сон всегда оставался немного неправильным. Там невозможно было забыть, что всё держится на связи, которая в любую секунду может оборваться.

Сейчас кожа под пальцами была тёплой. Настоящей. Я могла остаться здесь сколько захочу. От этой мысли стало страшно. Не потому, что не хотела. Потому что хотела. Каэль накрыл мою руку своей.

— Что?

Я покачала головой.

— Проверяю.

— Что?

— Настоящий ли ты.

Он секунду смотрел на меня, а потом, кажется, вспомнил старую лавку в Веларии — тот первый раз, когда после долгих исчезновений просто сел рядом, а я сказала почти то же самое. Уголок его губ приподнялся.

— И?

Я сглотнула.

— Похоже.

— Убедительно.

— Не зазнавайся.

Каэль повернул голову и на мгновение прижался губами к центру моей ладони. Совсем легко. Я улыбнулась. А потом вдруг поняла, что больше не хочу ничего проверять. Мне не нужно было снова убеждаться, что он настоящий, и бояться, что исчезнет, стоит мне закрыть глаза. Я поднялась на носки и сама потянулась к его губам.

Каэль замер лишь на мгновение. Затем его ладонь легла мне на затылок, другая рука обняла за талию, и он ответил на поцелуй. Господи. Как же мне этого не хватало. Его близости. Тепла. Того, как осторожность первых мгновений постепенно исчезала и он прижимал меня чуть крепче, словно наконец позволил себе поверить, что я действительно здесь.

Я обвила руками его шею. Во сне мы уже целовались. Но там всегда оставалось мучительное ощущение, что стоит проснуться — и всё исчезнет. Сейчас под ногами был знакомый камень, где-то неподалёку шумели листья, а Каэль целовал меня так, словно за последние десять недель накопилось слишком много невысказанного. Я не хотела думать ни о чём другом.

Ни о том, что произошло до возвращения. Ни о разговорах, которые ещё предстояли. Только несколько мгновений. С ним. Когда мы наконец отстранились, Каэль коснулся лбом моего лба. Его дыхание всё ещё было немного неровным. Я улыбнулась и спрятала лицо у него на груди. Он обнял меня снова. Уже без прежней осторожности.

— Я правда очень скучала.

— Я тоже.

На этот раз без паузы. Голос низкий. Тихий.

— Даже после сна.

Я закрыла глаза.

— Я знаю.

— Нет.

Руки стали чуть крепче.

— Сон помог.

Он выдохнул.

— Но потом стало хуже.

Сердце сжалось. Я подняла голову. Каэль смотрел куда-то поверх моего плеча.

— Почему?

Он едва заметно пожал плечом.

— До него я не знал, жива ли ты.

Пауза.

— После знал.

— Это же лучше.

— Да.

Он наконец посмотрел на меня.

— И знал, что ты где-то есть.

Вот теперь я поняла. Он знал, что я жива, что до меня можно дотянуться хотя бы во сне, но не знал, где я нахожусь и почему сама решила остаться.

Я попросила ждать. Наверное, иногда надежда действительно мучает лучше неизвестности.

— Прости.

Каэль нахмурился.

— За что?

Слишком много вариантов. Я чуть не рассмеялась от ужаса этой мысли.

— За то, что заставила ждать.

— Ты вернулась.

— Это не отменяет.

— Нет.

Спокойно. Без спасительной лжи.

— Но сейчас мне всё равно.

Господи. Я опустила глаза.

— Каэль...

Он коснулся моего подбородка.

— Потом.

Я посмотрела.

— Ты сейчас украл слово Морвэна.

— Переживу.

— Ужас.

— Мираэль.

— Что?

— Ты здесь.

Вот. Опять. Простая фраза. А глаза совсем не простые. Я кивнула.

— Здесь.

Он провёл большим пальцем по моей щеке. И впервые за всю встречу улыбнулся нормально. Не уголком губ. Не коротким движением. По-настоящему. Устало. Счастливо. Так, что у меня снова защищало глаза.

— Хорошо.

Я улыбнулась в ответ. И ещё несколько секунд всё действительно было хорошо. Наверное, впервые за всю встречу я не попыталась отыскать в его улыбке скрытый вопрос. Просто смотрела. Каэль не требовал объяснений. И я прекрасно понимала, что это молчание давалось ему не так легко, как могло показаться со стороны.

Он ведь чувствовал, что я что-то скрываю. Конечно, чувствовал. Но сейчас позволял мне самой выбрать момент, когда я смогу рассказать. Чёртова свобода выбора. За последние недели она стала самой дорогой вещью в моей жизни. И самой неудобной. Из-за дерева донёсся голос:

— Осталась минута!

Я закрыла глаза. Каэль медленно повернул голову.

— Он серьёзно считает?

— Боюсь, да.

— Могу открыть переход под деревом.

Я резко подняла голову.

— Нет.

Пауза.

— Жаль.

Я уставилась. Каэль выглядел совершенно невозмутимо. Почти.

— Это была шутка?

— Возможно.

— Господи.

Из-за дерева:

— Я ВСЁ СЛЫШУ!

Я рассмеялась. Каэль тоже. Тихо. И на несколько секунд сердце перестало рваться на части. Просто потому что оба человека, которых я так боялась больше никогда не увидеть, снова были рядом. Одного я уже обняла. Второго всё ещё держала.

А со всем остальным... Потом. Сегодня это слово снова спасало мне жизнь. Минута закончилась удивительно быстро. Настолько, что я почти поверила: Морвэн всё-таки решил проявить человеческое сочувствие и не считает. Наивная. Тень у дерева шевельнулась.

Сначала появилась голова. Потом плечо. Потом весь Морвэн, который вышел из темноты с выражением человека, честно выполнившего крайне неприятную общественную обязанность.

— Всё.

Я всё ещё стояла в объятиях Каэля.

— Что всё?

— Время.

— Морвэн.

— Я дал пять минут.

— Это было не пять минут.

Он посмотрел куда-то вверх, будто там существовали часы.

— Было.

Каэль спокойно произнёс:

— Четыре сорок семь.

Я медленно повернула голову.

— Ты тоже считал?!

Он посмотрел совершенно невинно.

— Нет.

Морвэн немедленно указал на него.

— Считал.

— Предатель, — сказал Каэль.

Я замерла. Потом перевела взгляд на одного. На второго. Что-то здесь было не так. Морвэн уже шёл к нам по дорожке.

— В общем, хватит миловаться. Я тоже скучал.

— Ты буквально получил меня первым.

— И что?

— И обнимал столько, сколько хотел.

— Недостаточно.

— Очень трогательно.

— Именно.

Каэль всё-таки отпустил меня, хотя его ладонь ещё несколько секунд оставалась на моей спине, прежде чем медленно опустилась. Морвэн подошёл ближе, и я вдруг заметила, что между ними больше нет привычного напряжения. Раньше, стоило этим двоим оказаться рядом, воздух начинал вести себя так, будто ему срочно хотелось покинуть помещение.

Каэль молчал сильнее обычного. Морвэн говорил больше обычного. Они смотрели друг на друга с тем особым видом взаимного раздражения, при котором оставалось только ждать, кто первым скажет что-нибудь неприятное. Сейчас раздражение никуда не исчезло. Но стало каким-то...

Удобным. Привычным. Морвэн остановился рядом со мной. Каэль не напрягся. Даже не посмотрел на него предупреждающе. Морвэн, в свою очередь, не попытался встать между нами просто из принципа. Подозрительно.

Очень. Я прищурилась. Они оба заметили.

— Что? — спросил Каэль.

— Ничего.

Морвэн хмыкнул.

— Вот теперь ты сама нарушаешь правила.

— Я думаю.

— Ещё хуже, — сказал Каэль.

Я повернулась к нему. Потом к Морвэну.

— Подождите.

Тишина.

— Вы что...

Оба посмотрели.

— ...без меня подружиться?

Реакция была прекрасной. Морвэн оскорбился. По-настоящему.

— Что?!

Каэль сказал одновременно:

— Нет.

Я медленно улыбнулась.

— О.

— Нет, — повторил Каэль.

— Даже не думай, — добавил Морвэн.

— А я ещё ничего.

— Ты уже думаешь неправильно.

— Вы сейчас даже отвечаете вместе.

— Совпадение, — сказал Каэль.

— Трагическое, — уточнил Морвэн.

Я посмотрела на них.

— Вы стали друзьями.

— Нет.

— Ни в коем случае.

Снова одновременно. Я рассмеялась.

— Господи.

Морвэн скрестил руки.

— Мне непонятно, почему моё временное сотрудничество с этим человеком внезапно превратилось в дружбу.

Каэль посмотрел на него.

— Временное?

— Да.

— Семьдесят дней.

— Для меня это временно.

— Конечно.

Я уставилась на Каэля. Он пожал плечом.

— Нам приходилось работать вместе.

— Приходилось?

Морвэн немедленно вмешался:

— Не делай из этого романтическую историю.

— Я вообще молчу.

— У тебя лицо.

— Какое?

— Заинтересованное.

— Потому что я вернулась и выяснила, что двое людей, которые раньше едва терпели друг друга, теперь обсуждают продолжительность своего сотрудничества.

Каэль тихо выдохнул. Почти смех.

— Мы тебя искали.

Вот. Просто. Без дополнительного веса. Но вес всё равно появился. Я перестала улыбаться. Каэль смотрел на меня спокойно. Морвэн — чуть в сторону.

— Вместе? — спросила я.

— Иногда, — ответил Каэль.

— Когда он был полезен, — сказал Морвэн.

Каэль повернул голову.

— Я открывал переходы.

— Именно. Был полезен.

— А ты?

— Я был великолепен морально.

— Ты ругался.

— Поддержка бывает разной.

Я невольно улыбнулась. Каэль тоже. Совсем слегка. Вот. Опять. Это маленькое, почти незаметное взаимопонимание. Я бы не заметила раньше.

Теперь заметила сразу.

— Вы реально сблизились.

— Нет, — сказал Каэль.

Морвэн указал на него.

— Вот. Умный человек.

Я подняла брови.

— Ты только что назвал Каэля умным человеком.
Морвэн замер. Потом медленно повернулся к нему.

— Это было случайно.

— Поздно, — сказал Каэль.

— Забудь.

— Нет.

Я рассмеялась. Морвэн раздражённо посмотрел на меня.

— Видишь, что ты сделала?

— Я вообще семьдесят дней отсутствовала.

— И всё равно умудрилась испортить мне репутацию.

— Какую?

— Безупречную.

Каэль тихо сказал:

— Это слово здесь используется очень свободно.

Морвэн резко повернулся к Каэлю.

— Хочешь обратно во враги?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Морвэн прищурился.

— Вот как.

— Не начинай, — предупредил Каэль.

Но по тому, как Морвэн улыбнулся, я поняла: поздно. Я стояла между ними и улыбалась как идиотка. Ничего не могла с собой поделать. Вот они. Оба. Рядом. Морвэн — со своими незаконными приговорами, наглостью и вечной уверенностью, что моя жизнь нуждается в его постоянном контроле.

Каэль — с короткими ответами, почти незаметными улыбками и привычкой превращать любое чувство в два слова максимум. Мои гадёныши. Оба живы. Оба здесь. И каким-то совершенно невозможным образом за время моего отсутствия научились не только находиться рядом дольше десяти минут, но и действовать как одна команда.

Искали меня. Вместе. Слово неприятно кольнуло. Я представила эти семьдесят дней уже иначе. Каэль открывает очередной переход. Морвэн ищет след там, где пространственная магия не чувствует ничего.

Споры. Бессонные ночи. Новые точки. Снова ничего. И опять. И опять. В какой-то момент они, видимо, просто перестали тратить силы на взаимную неприязнь. Потому что существовала вещь важнее. Я.

От осознания захотелось одновременно обнять обоих и снова попросить прощения. Я выбрала первое. Шагнула между ними и схватила каждого одной рукой. Морвэн возмущённо качнулся.

— Что происходит?

— Молчи.

Каэль посмотрел вниз на мою руку у себя на боку.

— Это приказ?

— Да.

— Хорошо.

Морвэн устался.

— Почему ему можно так легко соглашаться?

— Потому что он умный человек.

Каэль повернул голову к нему. Я расхохоталась.

— Всё. Замолчите оба.

— Я вообще ничего не сказал, — заметил Каэль.

— Ты существуешь провокационно.

Морвэн кивнул.

— Вот здесь согласен.

Я прижала их чуть сильнее. Морвэн для приличия поворчал, но не отодвинулся; Каэль тоже остался рядом. Несколько секунд мы стояли втроём — совершенно нелепо: Морвэн слева, Каэль справа, я посередине.

Ещё пятнадцать минут назад сад казался огромным и слишком тихим, а теперь нам будто едва хватало в нём места.

И мне нравилось. Очень.

— Я рада, что вы оба здесь, — сказала я.

Морвэн первым нарушил момент:

— Я тоже рад, что я здесь.

Я ткнула его локтем.

— Заткнись.

Каэль тихо рассмеялся. Морвэн посмотрел на него с осуждением.

— Не поощряй.

— Поздно.

Вот. Опять. Я покачала головой.

— Друзья.

— Нет, — одновременно сказали оба.

Прекрасно.

◇ ◆ ◇

Потом я услышала шаги и сначала решила, что показалось: из дворца и прежде доносились звуки — открывались двери, проходили слуги, звучали далёкие голоса.

Но эти шаги были другими. Быстрыми. Кто-то почти бежал по каменной дорожке. Нет, не кто-то один. Несколько человек.

Я медленно отпустила Морвэна и Каэля.

Все трое одновременно посмотрели в сторону галереи. Шаги приближались. Две пары. Точно. Может, больше? Нет. Две.

И никакого мерного движения стражи. Никакого строя. Никаких сопровождающих голосов. Просто двое людей, которым было абсолютно плевать на дворцовые правила передвижения. Сердце остановилось.

Мама. Папа. Я поняла это ещё до того, как увидела хоть кого-нибудь. Наверное, Морвэн тоже. Его лицо мгновенно изменилось.

— Ну вот.

Я не отводила взгляда от галереи.

— Что?

— Началось.

Он посмотрел на меня. Потом на Каэля. Потом снова на дорожку.

— Ладно.

И сделал шаг назад.

— Я буду там.

Я повернулась.

— Где?

Морвэн указал на своё дерево. Конечно.

— Ты серьёзно?

— Всегда.

— Ты только что стоял здесь.

— Теперь не стою.

— Очень полезно.

— Если что — я всё ещё рядом.

Вот это уже прозвучало тише. Я посмотрела. Морвэн коротко кивнул. Без шутки. Потом всё-таки добавил:

— И домашний арест никто не отменял.

Вот теперь нормально.

— Иди уже.

— С удовольствием.

Он отступил ещё на шаг, и тень дерева поднялась по его ногам, на мгновение размыв человеческий силуэт. Потом Морвэн исчез, но я всё равно чувствовала его присутствие. Рядом. Как всегда. Почти.

Остался Каэль. Я повернулась к нему. Он тоже слушал приближающиеся шаги. Его взгляд скользнул к галерее, затем вернулся ко мне.

— Я, пожалуй, пойду.

Я невольно крепче сжала его руку.

— Тебе не обязательно уходить.

Каэль посмотрел.

— Знаю.

— Тогда почему?

Он посмотрел в сторону галереи, откуда всё ещё доносились приближающиеся шаги.

— Потому что они ждали тебя не меньше меня. И сейчас я не хочу забирать у них ни минуты.

Вот. Я ничего не ответила. Он подошёл ближе. Взял мою руку. На секунду просто задержал в своей.

— Я приду позже.

— Когда?

— Когда ты закончишь с ними.

— А если они меня запрут?

— Найду.

— Очень самоуверенно.

— Есть опыт.

Я улыбнулась. Но улыбка получилась слабее, чем хотела. Шаги уже были совсем близко. Каэль поднял мою руку. Коснулся губами пальцев. Медленно. Совсем недолго.

Я смотрела на него. Снова это чувство. Тёплое. Знакомое. Оно было прежним. А вот всё вокруг него — уже нет.

— Не исчезай, — сказала я.

Слова вышли раньше мысли. Каэль замер. Посмотрел прямо в глаза.

— Не исчезну.

Ответ простой. Как всегда. Я кивнула. Его пальцы ещё на мгновение задержались на моих, прежде чем он отступил. Серебряная линия вспыхнула за спиной. Переход открылся. Каэль уже почти шагнул внутрь, но остановился на границе. Обернулся.

— Мираэль.

— Что?

Пауза. Совсем короткая.

— Рад, что ты дома.

Грудь сжалась.

— Я тоже.

Он кивнул. И исчез. Серебряный свет схлопнулся. Оставил после себя только сад. Ночь. Дерево с очень плохо скрывающимся Морвэном. И шаги.

Теперь совсем близко. Очень быстрые. Я повернулась к дорожке. Сердце снова ударило где-то у горла. Каэль ушёл. Морвэн спрятался. А навстречу мне спешили мама и отец.

Родители показались из-за поворота раньше, чем я успела придумать, что делать с руками. Глупая мысль, но именно она пришла первой: секунду назад одну из них держал Каэль, а теперь обе были свободны, и я почему-то стояла посреди дорожки, расправив плечи, будто собиралась встречать делегацию.

Но стоило мне встретиться взглядом с мамой, всё приготовленное исчезло. Она почти бежала навстречу — не королева Элиса, не женщина, которую я с детства привыкла видеть безупречно собранной даже после ночи без сна.

Мама. Волосы были собраны наспех, несколько прядей выбились у лица. На ней было простое тёмное платье — приличное, конечно, моя мать скорее переживёт конец света, чем выйдет из покоев в чём-нибудь совсем неподходящем, — но явно надетое за несколько минут.

Отец шёл рядом — нет, тоже почти бежал. Ни плаща, ни оружия, ни советников, ни стражи. Просто они вдвоём.

Наверное, кто-то ворвался к ним и сказал. И они даже не стали ждать подтверждения. Сердце сжалось. Мама увидела меня. Остановилась. На один короткий шаг. Будто тело не успело за тем, что уже поняли глаза.

Я тоже не двигалась. Семьдесят дней. Десять недель. Столько всего между нами теперь существовало. Старый храм. Запечатанная дорога. Маленькая девочка, которая кричала, что не хочет забывать.

Мамины руки. Папин голос. Чужая магия в моей голове. Их решение. Их страх. Их любовь. Всё одновременно.

— Мираэль...

Голос матери сломался. Вот и всё. Я пошла к ней сама. Она встретила меня на середине дорожки. Руки обхватили лицо прежде, чем я успела что-нибудь сказать.

— Мира...

Поцелуй в лоб. В щёку. В другую. Снова в лоб. Она будто не знала, куда ещё прикоснуться, чтобы убедиться, что я действительно здесь.

— Мама.

И тогда Элиса крепко, совсем не по-королевски обняла меня. Я почувствовала, как дрогнули её плечи, а потом услышала всхлип.

Мама плакала. Настоящими слезами.

Не молча, красиво и с одной каплей на щеке, как плачут женщины в старых балладах. Она прижимала меня к себе, целовала волосы и пыталась что-то сказать между вдохами, но слова ломались. Я тоже заплакала.

Конечно. Думала, после Морвэна и Каэля уже нечем. Оказалось, организм предусмотрел запас.

— Всё хорошо, — прошептала я.

Ложь. Не вся. Я была жива. Стояла дома. Обнимала маму. Сейчас этого хватало.

— Ты живая, — выдохнула она.

— Живая.

— Господи...

Её пальцы вошли в мои волосы. Потом снова ладони на щеках. Она отстранилась на несколько сантиметров. Посмотрела. Как Морвэн. Как Каэль. Только иначе.

Будто пыталась одновременно запомнить и проверить каждую черту.

— Дай я на тебя посмотрю.

— Мам...

— Пожалуйста.

Я замолчала. Она провела большим пальцем под моим глазом, стирая слезу.

— Ты похудела.

Потрясающе. Третий человек. Если ещё отец сейчас скажет то же самое, я официально начну есть из принципа. Но вместо шутки я только улыбнулась. Слабо. Потому что мама снова заплакала.

— Я думала...

Не закончила. И не нужно. Я знала. Смерть. Каждый из них думал это слово. Наверное, по-разному. Но думал.

Я накрыла её руки своими.

— Я здесь.

Элиса закрыла глаза. Прижалась лбом к моему. Только тогда я сумела оторвать взгляд от мамы и посмотреть на отца. Он стоял в двух шагах. Не потому, что не хотел подойти. Наоборот. Будто сознательно дал маме первые секунды.

Он сжимал руки, челюсть была напряжена, глаза покраснели. Я знала это лицо: так отец выглядел, когда эмоций становилось слишком много, а он пытался справиться с ними так же, как с государственными проблемами, — удержать всё внутри до более удобного момента. Не получится.

— Папа.

Вот. Одно слово. И вся его выдержка треснула. Он подошёл сразу. Мама не отпустила меня полностью, поэтому объятие получилось на троих. Отец одной рукой обнял её, второй — меня. Потом, видимо, решил, что этого мало, и просто притянул обеих сильнее.

Я оказалась щекой у него на груди. Знакомый запах. Чернила. Кожа. Что-то древесное. Дом. Опять.

Слишком много видов дома за один вечер.

— Девочка моя, — произнёс он.

Очень тихо. Голос дрогнул. Я сильнее схватилась за ткань его рубашки.

— Пап.

— Не говори ничего.

Удивительно: через несколько минут они наверняка захотят знать всё, но сейчас отец просто держал меня. Я почувствовала, как его подбородок коснулся моих волос, а потом что-то тёплое упало мне на висок. Я подняла голову — он быстро отвернулся.

Поздно.

— Ты плачешь?

Отец посмотрел на меня так, будто я только что нарушила международный договор.

— Нет.

Я почти рассмеялась.

— Папа.

— В саду влажно.

Мама всхлипнула и одновременно засмеялась.

— Ариэл.

— Что?

— Не позорься хотя бы сейчас.

Он выдохнул. Посмотрел на меня. И ещё одна слеза всё-таки сорвалась. Совсем одна. Отец раздражённо стёр её.

— Никому.

— Конечно.

— Особенно Морвэну.

Из-за дерева раздалось:

— Уже поздно.

Отец резко повернул голову. Я закрыла лицо ладонью. Мама издала странный звук между плачем и смехом.

— Морвэн!

— Меня здесь нет.

— Тогда молчи!

— Это уже дискриминация.

И всё. Снова тишина. Но теперь немного легче. Отец посмотрел на дерево. Потом на меня.

— Он был первым?

— Да.

— Разумеется.

— Он очень гордится.

— Я слышу! — донеслось из тени.

— Не сомневаюсь, — сказал отец.

Вот. На несколько секунд всё стало почти таким, каким могло бы быть когда-то. До леса. До правды. До всего. Я стояла между родителями. Мама всё ещё держала одну мою руку.

Отец — другую. И я любила их. Вот что было самым тяжёлым. Если бы не любила, всё оказалось бы проще. Можно было бы смотреть на них как на людей, которые приняли решение за меня. Которые позволили стереть память собственного ребёнка. Которые знали гораздо больше, чем говорили.

Которые когда-то стояли против человека, которого я теперь... Нет. Не сюда. Не сейчас. Я остановила мысль ещё до имени. Почти физически. Вот оно.

Первая настоящая проверка. С Морвэном молчание было доверием. С Каэлем — отсрочкой. Здесь молчание становилось защитой. Не только моей. Я вдруг слишком ясно почувствовала, насколько опасной может быть самая маленькая ошибка. Не признание.

Не рассказ. Даже взгляд. Пауза не там. Слишком быстрая реакция на знакомое слово. Напряжение в плечах. Слишком осознанное молчание. Мама знала меня всю жизнь.

Отец тоже. Они умели читать меня задолго до того, как я научилась нормально врать. А теперь мне придётся научиться. Очень быстро. От этой мысли стало мерзко. Мама сжала мои пальцы.

— Как ты?

Первый вопрос. Простой. Безопасный.

— Хорошо.

Она сразу нахмурилась. Я ответила слишком быстро. Чёрт. Нужно исправить, но так, чтобы не выглядеть заранее подготовленной. Я чуть улыбнулась.

— Устала. Немного слабая. Но правда хорошо.

Вот. Правда. Хорошая ложь всегда любит правду рядом. Господи. Я уже думаю как он. Нет. Как стратег.

Не как он. Сама. Мама провела ладонью по моей щеке.

— Тебе нигде не больно?

— Нет.

Отец посмотрел внимательнее.

— Ты уверена?

— Да.

— Магия?

Вот здесь внутри всё сжалось. Лицо. Не менять. Дышать. Спокойно. Вопрос естественный. Они знают, что что-то произошло.

Не нужно видеть угрозу в каждом слове.

— Возвращается.

Мама замерла. Совсем немного.

— Возвращается?

— Не полностью.

Правда.

— Но уже есть отклик.

Правда. Только далеко не вся. Отец посмотрел на мою руку. Я не позволила тени появиться. Не потому, что боялась самой магии. Потому что не знала, что они увидят в ней. И что смогут узнать.

Позже. Когда сама буду понимать больше.

— Это хорошо, — сказал отец.

Очень осторожно. Мама кивнула. Потом вдруг словно вспомнила всё остальное.

— Где ты была?

Вот. Пришло.

— Что произошло после леса?

Вопросы сразу начали догонять друг друга.

— Как ты вернулась?

— Кто был рядом?

— Ты была одна?

— Тебя удерживали?

— Почему мы не могли найти...

— Стоп.

Я сказала это негромко, но они оба сразу замолчали. От этого стало ещё тяжелее, потому что передо мной стояли не враги, а напуганные, измотанные родители, которые десять недель просыпались с одним и тем же вопросом.

И я сознательно не давала им ответа. Пока.

— Я расскажу.

И сама услышала, насколько легко прозвучало это обещание. Хотя уже знала: далеко не на каждый вопрос смогу ответить честно.

— Не сейчас.

— Мираэль...

— Мам.

Голос получился мягче, чем я ожидала.

— Пожалуйста.

Она смотрела. Я видела борьбу. Мать. Королева. Фея. Женщина, которая знает, что информация иногда решает, кто останется жив. И мама, которая только что снова получила дочь.

Отец первым отвёл взгляд.

— Элиса.

Только имя. Мама закрыла глаза. Выдохнула.

— Хорошо.

Мне захотелось обнять её за одно это слово. Я так и сделала. Сама. Шагнула ближе и обхватила руками.

— Спасибо.

Она сразу прижала меня к себе.

— Я просто...

— Знаю.

И правда знала. Наверное, слишком хорошо. Я бы на их месте тоже спрашивала. Нет. Хуже. Я бы уже пыталась открыть чужой мир голыми руками. Мама отстранилась.

— Хотя бы скажи...

Она остановилась. Выбрала вопрос. Умная. Конечно.

— Ты была в опасности?

Вот. Можно ответить. Но как?

Да.

Когда? В начале. Во время восстановления? Иногда. Рядом ли сейчас опасность? Совсем другой вопрос.

— Была.

Мама побледнела. Отец напрягся. Я сразу добавила:

— Сейчас нет.

Тоже правда. Относительно. Наверное. Если не считать древнюю войну, Хранителей, собственную семью и тот факт, что человек, которого когда-то пытались разделить в храме, теперь снова собирает себя по кускам. Вполне спокойная жизнь. Отец смотрел прямо.

— Тебе кто-то угрожает сейчас?

Очень точный вопрос. Чёрт.

— Нет.

Не в том смысле, который он имеет в виду. Лаксиан не угрожает мне. Хранители пока тоже не угрожают мне лично. Ответ можно выдержать. Я выдержала. Отец кивнул. Не расслабился.

Но принял.

— Ты вернулась сама?

Сердце один раз ударило слишком сильно. Вот этот вопрос уже был опаснее. Потому что рядом с ответом стояло слишком много всего. Тёмная линия перехода. Сад. Последний поцелуй.

Иди домой, птичка.

Я едва удержала выражение лица. Нет. Я опустила глаза не резко. Будто просто устала. Секунда. Вдох. Потом снова посмотрела на отца.

— Да.

Одно слово. Правда. Полная. И при этом ничего не раскрывает. Он задержал взгляд. Я не отвела. Вот здесь я впервые поняла, что стратегия — это не только карты, войны и чужие слабости.

Иногда стратегия — это стоять перед собственным отцом и не моргнуть раньше. Отец медленно кивнул.

— Хорошо.

Мама снова коснулась моего лица.

— Мы правда можем подождать.

Я знала, сколько ей стоила эта фраза.

— Недолго.

Ошибка? Нет. Нормально. Я должна дать им хоть что-то.

— Мне просто нужно...

Я остановилась. Выбрать слова.

— Побывать дома.

Вот. И снова правда.

— Увидеть вас. Нормально.

Мама снова расплакалась. Совсем тихо.

— Господи, Мираэль.

Она обняла меня, и я на несколько секунд позволила себе перестать думать. Прижалась к маме, закрыла глаза, слушая её дыхание и чувствуя отцовскую ладонь на спине.

Они мои родители. Люди, которых я люблю. Люди, которым я пока не доверяю всю правду. Обе вещи существовали одновременно.

Как всегда теперь.

Любовь и злость. Дом и Пустота. Каэль и... Нет. Я снова остановила мысль. Не потому, что боялась даже мысленно назвать его имя. Потому что мне нужно было привыкнуть к новой дисциплине. Не позволять памяти самой вести лицо.

Не реагировать прежде, чем решу. Не потому, что стыжусь. Никогда. Вот это было особенно важно. Я не собиралась возвращаться домой и постепенно убеждать себя, что последние недели были ошибкой. Не собиралась превращать его в тайну, которую однажды станет проще забыть. Я любила его.

Это не изменилось от того, что теперь между нами снова были миры. И уж точно не должно было измениться потому, что люди рядом не приняли бы эту правду. Но любовь не требовала немедленного признания. Иногда она требовала молчания.

Пока.

Я открыла глаза. Мама всё ещё держала меня. Отец стоял рядом. За деревом совершенно точно прятался Морвэн, который наверняка слышал половину разговора и позже будет утверждать, что вообще медитировал. Каэль обещал прийти. А где-то очень далеко от этого сада существовала ещё одна часть моей жизни, о которой здесь пока не знал никто.

Кроме меня. И это знание теперь нужно было удерживать так же аккуратно, как совсем недавно я удерживала межпространственную границу. Не рвать. Не давить. Не оставлять след. Просто держать.

— Домой? — тихо спросил отец.

Я посмотрела на дворец. На знакомые окна. На свет за стеклом. Потом снова на родителей.

— Скоро.

Отец удивился.

— Скоро?

Я улыбнулась.

— Ещё минуту.

Мама сжала мою руку.

— Конечно.

И мы остались в саду. Втроём. Никто больше не задавал вопросов. Пока.

ГЛАВА 2

Клетка



Внутри мы всё-таки пошли. Не сразу. Мама ещё раз обняла меня перед самым входом в галерею. Папа ещё раз спросил, точно ли я могу идти сама. Я ещё раз сказала, что за последние десять минут мои ноги не успели внезапно перестать работать. Он посмотрел так, будто шутка была неуместной.

Дворец встретил меня знакомым запахом камня, тихим светом кристаллов и длинными коридорами, в которых ночью каждый шаг слышался дальше обычного. Всё было своим.

И каким-то новым.

Мама шла рядом, всё ещё держа меня за руку — не поддерживая, не помогая идти, а просто не желая отпускать. Иногда её пальцы сжимались сильнее, словно каждые несколько шагов ей требовалось новое подтверждение: я действительно никуда не исчезла. Отец шёл с другой стороны.

По пути нам встретились две служанки. Увидев меня, обе остановились: одна прижала ладонь ко рту, вторая так и застыла посреди коридора. Отец коротко качнул головой — не сейчас.

Они сразу поняли. Поклонились. Но я чувствовала их взгляды ещё долго после того, как мы прошли. К утру знать будет весь дворец. К завтраку — весь двор. К обеду, вероятно, половина Эрэбии. Прекрасно.

Моё возвращение обещало сохранить интимность примерно ещё минут двадцать. Мы поднялись на второй этаж. Повернули в знакомое крыло. И только тогда мама наконец отпустила мою руку. Неохотно.

— Тебе нужно отдохнуть.

Я посмотрела на неё.

— Я почти два месяца...

— Десять недель, — тихо поправил отец.

Спасибо.

— ...десять недель жила без вашего режима дня.

— Это заметно, — сказала мама.

— Вы уже втроём сговорились насчёт моего внешнего вида?

— Втроём?

Чёрт.

— Морвэн.

Мама выдохнула.

— Конечно.

Спасено.

Я уже начинаю считать слово Морвэн универсальным средством ухода от подозрений.

Полезный всё же.

— Просто поспи, — продолжила она. — Хотя бы несколько часов.

— Я не уверена, что смогу.

— Попробуй.

Папа остановился у поворота к моим покоям. Посмотрел на меня внимательно. Слишком внимательно.

— Завтра поговорим.

Вот. Два обычных слова. Абсолютно нормальных. Родители хотят поговорить с дочерью, которая отсутствовала семьдесят дней. Ничего подозрительного.

Завтра поговорим.

Я почти услышала всё, что стояло за ними. Где ты была? Как попала туда? Кто был рядом? Что произошло в лесу? Почему пропала магия? Как вернулась?

Что помнишь? Что видела? Что знаешь? И наверняка ещё десяток вопросов, которые они пока достаточно любят меня, чтобы не задавать посреди ночного коридора.

Завтра меня ждёт допрос — очень деликатный, очень семейный. Практически с чаем и, возможно, даже с пирожными. Пыточный стол в Эрбии всегда отличался прекрасным вкусом.

— Хорошо, — сказала я.

Лицо спокойно. Голос тоже. Отец задержал взгляд ещё на секунду. Потом кивнул. Мама снова подошла. Поцеловала меня в лоб.

— Если что-нибудь понадобится...

— Позову.

— Сразу.

— Мам.

— Хорошо.

Она ещё раз провела рукой по волосам. Папа коснулся моего плеча. И они ушли. Я проводила их взглядом. Только тогда заметила двоих мужчин в форме дворцовой стражи. Они стояли чуть дальше по коридору. Я сначала даже не придавала значения.

Дворец. Ночь. Охрана. Нормально. Один из них шагнул вперёд.

— Ваше Высочество.

Я посмотрела.

— Да?

— Мы проводим вас.

Моя комната находилась за следующим поворотом. Я почти сообщила об этом. Потом передумала.

— Хорошо.

Мы пошли по коридору: я впереди, стражники на несколько шагов позади. Поначалу это даже немного развлекало. После семидесяти дней неизвестности родители приставили ко мне охрану — вполне логично и предсказуемо.

Наверное, если бы моя дочь однажды исчезла в лесу, а через десять недель внезапно материализовалась в саду, я бы вообще привязала её к себе верёвкой. Морвэн, собственно, уже предложил примерно это. Мы дошли до двери. Я взялась за ручку. Обернулась.

— Спасибо. Можете быть свободны.

Стражники переглянулись. Совсем коротко. Первый поклонился.

— Простите, Ваше Высочество.

Я ждала.

— Прямой приказ Его Величества.

Пальцы замерли на дверной ручке. Я медленно повернула голову к стражнику. Он выглядел безупречно вежливым и совершенно спокойным — человеком, которому поручили исполнять приказ, а не объяснять его смысл.

— Какой именно?

Он слегка выпрямился.

— Оставаться у ваших покоев.

Вот. Тихо. Вежливо. Без цепей. Без замков. Без единой угрозы. И всё-таки что-то внутри меня холодно опустилось.

— Всю ночь?

— До смены караула.

— А потом?

Пауза. Совсем маленькая.

— Нас сменят.

Понятно. Я улыбнулась. Не им. Себе. Потому что вот теперь всё окончательно встало на место.

— Разумеется.

Я вошла в комнату. Закрыла дверь. И несколько секунд просто стояла, держа ладонь на ручке.

Клетка.

Очень красивая, моя собственная — с моей кроватью, книгами и окнами. Даже охрана вежливая. Вот только выйти из неё незамеченной теперь будет немного сложнее.

Немного.

Господи.

Я прислонилась лбом к двери.

Морвэн хотя бы честно объявил меня пленницей. Папа назвал это отдыхом. Не знаю, какой вариант раздражал сильнее.

◇ ◆ ◇

Комната совершенно не изменилась. Я ожидала, что после семидесяти дней хотя бы пыль позволит почувствовать прошедшее время, но ничего подобного не было: покрывало аккуратно расправлено, книги стоят на своих местах, а на столе лежат мои записи.

Щётка для волос возле зеркала лежала точно так же, как я её оставила. Даже маленькая заколка, которую я утром перед лесом бросила возле шкатулки, всё ещё была там. Я подошла. Коснулась. Семьдесят дней. Для меня эта вещь пролежала здесь просто долго. Для мамы, наверное, она была доказательством того, что дочь собиралась вернуться вечером.

Я быстро отвернулась. Не сейчас. На подоконнике, разумеется, сидел Морвэн — спиной к стеклу, подогнув одну ногу и свесив другую, с самым невинным видом на свете.

— Хорошая охрана, — сказал он.

Я молча показала на дверь. Он кивнул.

— Да.

— Ты знал?

— Что твой отец приставил людей?

Я посмотрела.

— Морвэн.

— Минуты три.

— И не сказал?

— Хотел посмотреть на твоё лицо.

— Я тебя убью.

— Во-первых, очередь.

— Чья?

— Неважно.

Вот. Я закрыла рот. Он тоже. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Морвэн первым чуть поднял бровь.

Лучше так?

Голос прозвучал не в комнате. В голове. Знакомо. Настолько знакомо, что я почти улыбнулась.

Намного.

Я ещё раз посмотрела на дверь. Потом на стены.

Ты думаешь, здесь слушают?

Морвэн скосил глаза на потолок.

Думаю, что если ты хочешь обсуждать что-то действительно интересное, лучше исходить из худшего.

Прекрасно. Я отошла от двери и неторопливо прошла по комнате, снимая серьги. Положила их на стол — со стороны обычная девушка просто готовится ко сну. А в голове уже возник следующий вопрос:

Что они знают?

Морвэн улыбнулся. Физически. Самой мерзкой своей улыбкой.

А вот теперь начинается.

Не начинай.

Ты только вернулась, а уже допрашиваешь меня. Я растроган.

Я сняла заколку. Положила рядом.

Морвэн.

Хорошо-хорошо.

Морвэн бесшумно прыгнул с подоконника, прошёл к креслу и развалился в нём, словно приготовился к долгому разговору. Он вполне мог исчезнуть в тени, но остался в человеческом облике. Наверное, потому что я тоже хотела его видеть.

С чего начать?

С леса.

Улыбка исчезла. Не полностью. Но достаточно.

После вашего исчезновения место перекрыли. Сначала дворцовая охрана, потом люди Совета, потом Хранители решили, что все остальные недостаточно компетентны, и начали мешать уже профессионально.

Я прошла к шкафу. Открыла. Внутри всё тоже оказалось на месте.

Что нашли?

Следы разлома. Несколько.

Я достала ночную одежду. Пальцы замедлились.

Несколько?

Да. Не один аккуратный переход. Пространство там было...

Он поискал слово.

Испорчено.

Я повернула голову. Морвэн пожал плечом.

Их формулировка длиннее. Моя лучше.

Энергия?

Вот здесь он посмотрел внимательнее.

Похожа.

На что?

Ты прекрасно понимаешь.

Я ничего не ответила. Он тоже не произнёс имени. Хорошо.

Насколько похожа?

Морвэн задумался.

Для обычного мага? Просто древняя теневая дрянь, возле которой лучшие не стоят. Для тех, кто знает старые следы... слишком.

Я медленно сложила снятую одежду на кресло.

Мама знает.

Не вопрос.

Да.

Папа?

Да.

Совет?

Не весь.

Хранители?

Морвэн посмотрел на меня.

Вот здесь веселее.

Я скрестила руки.

Ненавижу, когда ты говоришь «веселее».

А я люблю.

Морвэн.

Он вздохнул.

Я не знаю, что знает верхушка Ордена. Вообще. И это важное уточнение, потому что твои родители — не верхушка Хранителей, а Каэль, несмотря на своё невероятно мрачное лицо, тоже не великий повелитель межмировых решений.

Я невольно усмехнулась.

Не называй его лицо мрачным.

Защищаешь?

Я уставилась.

Дальше.

Как грубо.

Он устроился глубже в кресле.

То, что обсуждали здесь: энергия очень похожа на ту, которую связывают с Лаксианом. Разломы — тоже не случайные. Старые печати активировались ещё раньше. После Инферэля вообще стало трудно делать вид, что всё это разные события.

Вот. Инферэль. Начало.

Они знают про начало?

Да.

Ответ пришёл без шутки.

Считают, что он его вернул.

Я прикрыла глаза. Одно. Это уже потеряно. Не спрячешь.

А про меня?

Морвэн замер. Совсем немного.

Что именно?

Не притворяйся.

Тишина. Он провёл пальцем по подлокотнику.

Про осколок.

Вот. Слово прозвучало только у меня в голове. И всё равно от него стало холоднее.

Они знали?

Некоторые — да.

Я повернулась к нему.

Некоторые?

Твои родители точно знали, что внутри тебя есть что-то, связанное с той силой.

Что-то?

Мираэль.

Я ждала. Морвэн раздражённо выдохнул.

Хорошо. Да. Они знали про осколок.

Я почувствовала, как внутри начинает подниматься старая злость. Ещё один кусок. Ещё одна вещь, о которой знали все вокруг, кроме меня. Морвэн увидел.

Не начинай сейчас.

Ты тоже знал.

Тишина изменилась. Морвэн медленно поднялся из кресла, но не подошёл ко мне. Я смотрела на него и впервые за весь разговор не знала, чего хочу больше: получить ответ или услышать, что ошиблась. От родителей я уже привыкла ждать недомолвок. С Морвэном всё было сложнее. Он находился рядом столько лет, что мне почти никогда не приходило в голову задумываться, сколько всего он мог знать и не говорить.

Да.

Я не двигалась.

Сколько?

Достаточно давно.

Очень конкретно.

Учуся у ваших семейных советов.

Я посмотрела так, что он перестал улыбаться.

Почему ты мне не сказал?

Морвэн прошёл к окну. Несколько секунд смотрел наружу. Потом опёрся ладонью о раму.

Что именно я должен был сказать?

Я молчала. Он повернулся.

«Доброе утро, Мираэль. Кстати, я, кажется, кусок очень древней и очень неприятной проблемы, а внутри тебя, вероятно, лежит ещё один. Хорошего дня на занятиях»?

Можно было начать не так.

С тобой?

Бровь поднялась.

Ты бы услышала слово «осколок», слово «древний» и через десять минут уже рылась бы в закрытом архиве.

Неправда.

Он смотрел. Я вздохнула.

Хорошо. Через двадцать.

Спасибо.

Я подошла к кровати. Села на край.

Это не оправдание.

Морвэн тоже посерьёзшел.

Нет.

Никаких попыток выкрутиться или выдать собственное молчание за правильное решение.

Не оправдание.

Он ненадолго отвернулся к окну.

Я не знал всей картины. Но собственную природу понимал достаточно хорошо.

Морвэн снова посмотрел на меня.

И это не означало, что я знал его намерения.

Я замолчала. Это действительно было не то же самое.

Ты помнил его?

Морвэн посмотрел на меня почти обиженно.

Не путай знание с памятью.

Я прищурилась.

Объясни.

Он вздохнул.

Я с самого начала знал, что не родился обычным образом. Знал, откуда взялась моя сила и кому она когда-то принадлежала. Но это не значит, что у меня в голове лежит вся его биография.

Я молчала.

У меня нет его воспоминаний, Мираэль. Нет списка его планов. Нет тайного хранилища древних секретов. Я — Морвэн. А не маленький Лаксиан, которого кто-то поселил в твоей тени.

Я знаю.

Сейчас — да.

Он ненадолго отвёл взгляд к окну.

Всё это время мне было вполне удобно существовать самостоятельно и надеяться, что источник моей силы больше никогда не объявится.

Я почти улыбнулась.

Надеяться?

Разумеется. У меня замечательная жизнь. Было бы обидно, если бы однажды кто-нибудь явился и решил закончить её ради восстановления собственной целостности.

Но потом появились следы?

Да. Сны, видения, разломы. И то, что находилось в тебе, стало отзываться сильнее.

Морвэн перестал улыбаться.

Вот тогда я действительно испугался.

Ты его чувствовал.

Да.

Всегда?

Не как отдельный камень в кармане.

Он скривился.

Скорее как вторую ноту в твоей магии. Чужую. Похожую на меня настолько, чтобы раздражать.

Почему ты не сказал хотя бы тогда?

Морвэн прикрыл глаза.

Потому что к тому моменту сказать тебе «не лезь» означало практически лично выдать карту и пожелать удачи.

Я хотела возразить. Не смогла.

— Ненавижу тебя, — сказала я вслух.

Он улыбнулся.

— Знаю.

Потом мы оба замерли. Дверь. Стража. Я раздражённо посмотрела на него. Он указал пальцем на висок.

Умница.

Я легла назад на кровать. Уставилась в потолок.

Ладно. Дальше.

Очень романтическая поза для допроса.

Морвэн.

Продолжаю.

Он снова устроился в кресле.

Когда ты исчезла, я сначала решил, что всё совсем плохо.

Почему?

Морвэн помолчал.

Потому что если мои догадки были верны и он действительно вернулся за тем, что находилось в тебе...

Он не закончил. Я повернула голову.

Ты думал, что я умру.

Да.

Ни шутки. Ничего. Одно слово.

Почему?

Потому что оно было частью тебя слишком долго.

Он посмотрел прямо.

Не украшением. Не вещью, которую можно достать из кармана.

Я почувствовала холод.

Я не знал, что произойдёт, если просто вырвать его.

Пауза.

Но предполагал, что ничего хорошего.

Я вспомнила Пустоту. Отсутствие тела. Собственное имя, которое пришлось собирать по кускам. Морвэн не мог знать, насколько близко подошёл.

И ты никому этого не сказал.

Не вопрос. Он криво усмехнулся.

Не совсем.

Я приподнялась на локте.

Что значит «не совсем»?

Каэлю я сказал достаточно, чтобы он понимал: твоя магия и старые события связаны сильнее, чем ему нравится.

А остальное?

Остальное оставил себе.

Почему?

Морвэн пожал плечами.

Я ещё немного хочу пожить.

Я уставилась. Он широко улыбнулся.

Ты тень.

И? У меня прекрасная жизнь.

Кто тебя убьёт?

Выбирай.

Он начал загибать пальцы.

Твой отец. Твоя мать. Хранители. Каэль, если узнает, что я сознательно придержал информацию, которая могла привести к тебе.

Ещё палец.

Ну и первоначальный владелец имущества, если выяснится, что его отделившаяся часть провела несколько лет, раздавая стратегическую информацию направо и налево.

Я не удержалась.

Ты боялся его?

Морвэн посмотрел на меня.

Я не идиот.

Потом подумал.

Не настолько.

Я почти рассмеялась.

Ты думал, он тебя заберёт.

Вот тут улыбка исчезла. Совсем.

Да.

Ответ прозвучал тихо, без привычной насмешки. Я села на кровати, теперь уже полностью, а Морвэн отвёл взгляд.

Странно было видеть его таким. Не потому, что я считала его бесстрашным, — прекрасно знала, как он умеет беспокоиться за меня. Но обычно даже самые неприятные вещи он превращал в шутку. Сейчас речь шла о нём самом, и шутить ему не хотелось.

Если он восстанавливается, зачем ему оставлять недостающую часть гулять по дворцу и оскорблять людей?

Веская причина.

Я тоже так считаю.

Он попытался вернуть улыбку. Не получилось.

Так что да. В моей голове существовала довольно стройная перспектива: он собирает то, что потерял, добирается до меня, и моё очень насыщенное самостоятельное существование заканчивается.

Я смотрела.

И ты никому не сказал, потому что боялся за себя?

Морвэн фыркнул.

В том числе.

Вот это уже честно.

Но не только.

Он встал. Прошёл к столу. Взял мою старую заколку. Повертел в пальцах. Положил обратно.

Я подумал.

Опасно.

Ужасно.

Его губы дёрнулись.

Если бы ему был нужен только твой осколок... зачем исчезать вместе с тобой?

Я замерла.

Продолжай.

Вот именно так я сказал себе примерно на третий день паники.

Он облокотился о край стола.

Если задача — достать часть своей силы, намного проще прийти, вырвать её и уйти.

Слова прозвучали жёстко. Морвэн не смягчил.

Ты могла бы умереть.

Да.

Но тогда не нужно было бы тебя уносить.

Вот. Очень логично. Очень неприятно.

А он унёс.

Я не знал этого наверняка.

Морвэн поднял палец.

Это важно. Я знал только, что ты исчезла в месте, где осталось слишком много знакомой энергии.

Он загнул второй палец.

Что твоя связь со мной оборвалась.

Следом — третий.

Что осколок перестал ощущаться.

Он замер.

И что тела нет.

Тишина.

Поэтому я решил, что существует шанс, что ты жива.

Я медленно выдохнула.

Потому что иначе исчезновение не имело смысла.

Именно.

И ты не хотел, чтобы они пошли за мной.

Морвэн посмотрел прямо.

Я не хотел, чтобы кто-нибудь начал ломать пространства вслепую, пока я не понимал, где ты и что с тобой.

Пауза.

Если ты была у него и была жива — вооружённая процессия Хранителей могла оказаться не лучшим способом обеспечить дальнейшее здоровье.

Вот. Я опустила взгляд. Слишком близко к правде.

Каэль знает, что ты так думал?

Частично.

Что именно?

Что я подозревал связь с Лаксианом.

Я сразу подняла глаза. Морвэн спокойно выдержал.

Имя ты ему называл?

Да.

Вот. Каэль знает. Не всё. Но знает, что Морвэн подозревал именно его.

И?

И Каэль в ответ стал ещё менее разговорчивым. Я не думал, что это возможно.

Я почти улыбнулась.

Он тебе поверил?

Он не сказал.

То есть поверил.

Вероятно.

Морвэн пожал плечом.

Но у него были собственные наблюдения. Арин. Инферэль. Разломы. Твоя магия. Исчезновение. Он не ребёнок.

Нет. Не ребёнок. И от этого становилось только сложнее.

Каэль знает столько же, сколько родители?

Морвэн подумал.

Почти.

Почти — это сколько?

Судя по тому, что я слышал на Совете и в разговорах с Каэлем, он и твои родители знают примерно одно и то же. По крайней мере, внешнюю сторону событий.

Я подняла брови.

Ты был на Совете?

Морвэн сделал оскорблённое лицо.

Я интеллигентно присутствовал рядом.

Ты подслушивал.

Как грубо звучит.

Ты подслушивал Совет.

Я собирал информацию в интересах короны.

Ты официально никто при дворе.

Тем легче работать.

Я закрыла глаза. Конечно.

Что именно обсуждали?

Морвэн присел на край стола.

Лес. Остаточную энергию. Несколько пространственных повреждений. Инферэль. Старые печати. Исчезновение тебя и Арина.

Пауза.

И Лаксиана.

Я не двинулась.

Как?

Как наиболее неприятную гипотезу, которую никто не хочет называть гипотезой слишком уверенно.

Это было важно. Очень. Я села ровнее.

Они знают, что он восстановился?

Не знаю.

— Чёрт.

Слово сорвалось вслух. Морвэн посмотрел на дверь. Потом на меня.

Тихо.

Сам тихо.

Он улыбнулся.

Вот это уже моя Миразль.

Я проигнорировала.

Не знаешь или они не знают?

Не знаю.

Он стал серьёзнее.

И это тоже важно. Я могу сказать, что слышал здесь. Я могу сказать, что понял из разговоров с Казлем. Что знает верхушка Хранителей где-то там — понятия не имею.

Хорошо. Наконец граница.

Здесь считают: энергия похожа. Начало он, скорее всего, вернул. Во мне был другой осколок.

Да.

Знают ли они, что его больше нет?

Морвэн прищурился.

Вот здесь интересно.

Я ждала.

Я не уверен.

Но ты знаешь.

Я чувствовал его раньше.

Он посмотрел на меня.

Сейчас не чувствую.

Другие могут так же?

Нет.

Сразу.

Почему?

Потому что я — родственная структура. Для меня это ощущается иначе.

Он немного помолчал.

Чтобы уверенно сказать со стороны, что осколка больше нет, одного взгляда на тебя недостаточно.

Вот. Я медленно спустила ноги с кровати.

Нужно исследовать магию.

Да.

Глубоко?

Зависит от того, кто исследует.

Очень полезный ответ. И очень неприятный.

Они знают, что магия исчезла.

Да.

После леса.

Да.

Я поднялась с кровати и медленно прошлась по комнате. Постепенно картина складывалась: Хранители знали об осколке, разломе в лесу и почти полном исчезновении моей магии. Однако связь между этими событиями пока оставалась лишь предположением — очень убедительным, но всё-таки не доказанным.

Получается, они пока не могут утверждать, что осколка больше нет?

Морвэн чуть прищурился.

Без дополнительной проверки — нет.

Значит, я не должна сама подтверждать их догадки.

Очень смелая мысль для человека, которого завтра собираются семейно допрашивать.

Я серьёзно.

Я тоже.

Морвэн следил за мной взглядом.

Продолжай.

Мне уже страшно интересно.

Я игнорировала тон.

Они знают, что магия пропала.

Это сложно скрыть. Ты рухнула в лесу почти пустая.

Но они не знают почему.

Пауза.

Нет.

Тогда им не обязательно знать, что это произошло из-за извлечения осколка.

Морвэн перестал улыбаться.

Ты хочешь дать им другую причину.

Не обязательно выдуманную.

Вот. Я остановилась возле окна.

Разлом. Травма. Инферэль. Перегрузка магической структуры.

Всё это действительно произошло. Просто не было единственной причиной.

Я могу сказать, что после Инферэля и леса магия начала разрушаться. Что потом исчезла почти полностью.

Это правда.

Да.

Очень неполная.

Я посмотрела.

Лучший вид правды.

Морвэн медленно улыбнулся.

Я сейчас одновременно горжусь и очень беспокоюсь.

Привыкай.

Нет.

Я снова посмотрела в окно. Темнота Эрэбии. Сад уже не был виден отсюда целиком.

Если они не будут уверены, что второй осколок вернулся к нему...

Морвэн закончил:

Они не будут уверены, насколько он восстановился.

Вот. Именно. Начало — да. Первый кусок. Но второй? Пока вопрос. А вопрос — это время.

Иногда даже небольшая неопределённость могла изменить чужое решение: заставить остановиться, проверить сведения ещё раз, отложить удар. Я почувствовала неприятный холод.

Вот он. Первый настоящий ход. Мне не хотелось думать, что я делаю его против родителей, но и ради них я его не совершала. Это был выбор в пользу себя и человека, который

остался за границей миров. Для возможности не позволить войне начаться на основе одного ответа, который я неосторожно дам за завтраком.

Морвэн смотрел на меня. Слишком внимательно.

Ты очень быстро начала мыслить как человек, которому есть что скрывать.

Я медленно повернулась.

Мне есть что скрывать.

Он не улыбнулся.

Да.

Тишина. Я первой отвела взгляд.

Теперь ты.

Что я?

Ты сказал, что понял часть происходящего.

Морвэн скрестил руки.

Да.

Говори.

Я уже говорил.

Не всё.

Ты становишься утомительной.

Четырнадцать лет опыта.

Он закатил глаза. Я почти почувствовала победу. Потом Морвэн всё-таки ответил:

Я думаю, тебя забрал Лаксиан.

Вот. Прямо. Без украшений. Я не изменила лица. Только внутри что-то неприятно сжалось от самого имени здесь. В моей комнате. В Эрэбии.

Почему?

Мы это уже разобрали.

Нет. Мы разобрали, почему ты подозревал.

Я подошла ближе.

Почему сейчас думаешь?

Морвэн посмотрел на мою тень. Потом на меня.

Потому что ты вернулась.

Я ждала.

Живая.

Ещё.

С восстановившейся магией.

Ещё.

Сама.

Тишина.

И при этом не задаёшь ни одного вопроса о том, что такое осколки.

Чёрт. Вот же маленький мерзавец. Морвэн улыбнулся.

Я тебя знаю.

Я села напротив.

Твои догадки частично верны.

Он сразу перестал улыбаться.

Частично?

Да.

Ненавижу это слово.

Я знаю.

Что именно верно?

Я покачала головой.

Сегодня — достаточно.
Морвэн уставился.
Ты издеваешься.
Учусть.
У кого?
Опасно. Я улыбнулась.
У жизни.
Он прищурился. Не поверил. Но оставить пришлось.
Всё было не так плохо, как ты думаешь.
Вот это я могла дать. Морвэн смотрел.
Ты была у него.
Я не ответила. Не нужно. Мы уже договорились: частично. Пусть сам решает, какая часть.
Мираэль.
Не сейчас.
Ты сказала «не так плохо» про человека, которого несколько веков пытались разобрать на части профессионалы.
Звучит грубо.
Зато точно.
Я глубоко вдохнула.
Со мной всё хорошо.
Он хмыкнул.
Ты дважды сегодня сказала это родителям. Не рекомендую использовать как доказательство.
Я серьёзно.
Я тоже.
Морвэн встал. Теперь уже не шутил.
Если мои догадки хотя бы близко...
Он остановился. Я увидела момент, когда мысль пришла ему в голову. Лицо изменилось. Совсем немного.
Что?
Морвэн смотрел. Потом тихо:
Он меня не забрал.
Вот. Наконец дошли. Я не ответила сразу.
Нет.
Морвэн замер. Не моргнул. Даже тень под ним будто остановилась.
Что?
Я почувствовала почти нелепое желание улыбнуться. Не стала.
Он тебя не заберёт.
Теперь несколько секунд вообще ничего не происходило. Морвэн смотрел на меня так, будто я сообщила, что завтра Эрэбия отменяет ночь.
Повтори.
Нет.
Мираэль.
Ты прекрасно услышал.
Он сделал шаг.
Откуда ты знаешь?
Знаю.
Нет, так не работает.
Сегодня — работает.

— С какой стати?!

Сорвалось вслух. Мы оба застыли. За дверью кто-то слегка переместился. Звук сапога о камень. Я медленно подняла палец к губам. Морвэн посмотрел на дверь. Потом снова на меня.

С какой, — теперь уже мысленно, — стати он внезапно решил отказаться от части собственной силы?

Я молчала.

Он веками собирался восстановиться.

Точно.

Морвэн.

Нет. Вот это уже не «потом».

Он подошёл ближе.

Что произошло?

Потом.

Я тебя сейчас придушу.

Ты уже сегодня пытался.

Недостаточно.

Я едва удержала улыбку. Он нет. Совсем.

Мираэль.

Вот теперь в голосе появилась тревога. Настоящая.

Что ты сделала?

Я нахмурилась.

Ничего.

Что ты ему пообещала?

Вот теперь я поняла ход его мыслей. Лаксиан возвращает два осколка, а третий буквально ходит перед ним на собственных ногах. И вдруг древний маг, который веками стремился восстановить свою целостность, совершенно бескорыстно решает:

Оставляю.

С точки зрения Морвэна это выглядело ужасно. Особенно если решение связано со мной.

Ничего.

Он не поверил. Я видела.

Мираэль.

Я ничего ему не должна.

Это не то же самое.

Умный гад. Я выдохнула.

Он ничего от меня не потребовал.

Тогда почему?

Вот здесь стало сложнее. Потому что настоящий ответ был совсем рядом.

Потому что я попросила.

Морвэн замер. Чёрт. Сказано. Не слишком много. Но достаточно.

Ты попросила.

Да.

И он просто... согласился.

Я приподняла плечо.

Не сразу.

Это было лишнее. Морвэн мгновенно зацепился. Конечно.

Не сразу.

Не начинай.

Я даже ещё не начал.

Он медленно обошёл меня. Совсем как при нашей недавней встрече в саду. Только взгляд был совсем другим.

Ты хочешь сказать, что древнее чудовище, которое веками собирало себя обратно, нашло тебя, забрало то, что было внутри, а потом ты сказала: «этого не трогай, он мой», и оно такое: «хорошо»?

Я посмотрела. Очень неприятно точная формулировка.

Примерно.

Морвэн остановился.

Чушь.

— Сам ты чушь.

Снова вслух. Он даже не заметил.

Так не работает.

Работает.

Почему?

Потом.

Теперь Морвэн смотрел на меня уже не с любопытством, а с откровенным подозрением. Я почти видела, как он сопоставляет одно с другим: Лаксиана, мою просьбу, решение, противоречащее его собственным интересам, и моё нежелание объяснять причины. К этому добавлялись возвращение живой, самостоятельный переход и новая магия.

Чёрт.

Перестань думать.

Он медленно поднял бровь.

Ты сейчас серьёзно потребовала от меня не думать?

Да.

Очень поздно.

Я встала.

— Спать.

Морвэн остался на месте.

Мираэль.

Что?

Он долго смотрел на меня, а когда снова заговорил мысленно, его голос прозвучал гораздо тише.

Ты уверена, что с тобой всё хорошо?

Он спрашивал уже не о теле, магии или ранах. О чём-то совсем другом. Я почувствовала, как раздражение постепенно уходит.

Да.

Он не отвёл глаз.

Ты не обязана мне сейчас рассказывать всё.

Это от Морвэна почти признание в любви.

Знаю.

Но если он что-то сделал. Если заставил. Если ты что-то должна. Если существует условие, о котором...

Нет.

Сразу. Я подошла ближе. На этот раз сама.

Ничего такого нет.

Морвэн молчал.

Я не его пленница.

Как странно было говорить это, стоя в комнате с двумя стражниками за дверью. Морвэн, похоже, подумал о том же. Уголок губ дёрнулся.

Иронично.

Очень.

Он отпустил тебя.

Я кивнула.

Я ушла сама.

Это он уже знал. Но сейчас смысл был другим. Морвэн смотрел на меня.

И ты можешь вернуться?

Вот. Опасно. Я не ответила. Он понял.

Потом.

На этот раз сказал он. Я улыбнулась.

Умница.

Не беси меня.

Я обняла его. Он застыл. Потом тяжело выдохнул и обхватил меня руками.

Я всё равно тебе не верю.

В чём именно?

В твоём «всё хорошо».

Я положила подбородок ему на плечо.

Это уже твоя проблема.

Она всегда моя. Ты моя проблема четырнадцать лет.

Трогательно.

Я стараюсь.

Мы постояли так ещё несколько секунд, прежде чем Морвэн первым отстранился. Он внимательно посмотрел на меня, и я почти сразу узнала это выражение лица: опять что-то заподозрил.

— Нет.

— Я ничего не сказал.

— Лицо.

— Какое?

— Подозрительное.

— Моё обычное.

— Именно.

Он ухмыльнулся. Потом растворился обратно в тень у кресла. Но не исчез совсем. Я чувствовала его присутствие. Как раньше. До леса. До Пустоты.

До семидесяти дней. Я забралась в кровать. Одеяло оказалось тем же. Подушка тоже. Даже матрас помнил тело иначе, чем тот, к которому я успела привыкнуть. Странно. Вот сейчас думать об этом было особенно опасно.

Я повернулась на бок. За дверью стояли двое стражников. Где-то в другом крыле родители наверняка уже обсуждали, что завтра будут спрашивать. Каэль знал больше, чем я рассчитывала. Морвэн — ещё больше. Хранители, возможно, больше всех. И никто пока не знал, что именно я собираюсь им дать.

В голове снова выстроилось: Начало — почти подтверждено. Мой осколок — под вопросом. Магия исчезла — факт. Причина — нет. Лаксиан восстановился — подозрение. Насколько — неизвестно.

Хорошо. Не идеально. Но достаточно, чтобы работать.

Ты опять думаешь, — лениво прозвучал голос Морвэна.

Я закрыла глаза.

Сплю.

Ужасный лжец.

Я невольно улыбнулась.

Это заразно.

Морвэн помолчал.

Вот эта фраза мне тоже не понравилась.

Улыбка исчезла. Чёртов умный паршивец.

Спокойной ночи, Морвэн.

Пауза.

Спокойной ночи, пленница.

Триста лет?

Триста пятьдесят.

За что ещё пятьдесят?!

За сокрытие информации от следствия.

Я едва не рассмеялась вслух. За дверью по-прежнему стояла охрана. Комната была моей. Дворец был моим домом. И впервые в жизни я лежала в собственной кровати и точно знала: если захочу выйти отсюда незамеченной, мне придётся сначала понять, где заканчивается забота моей семьи и начинается надзор.

А завтра меня ждал первый настоящий разговор. Не дочери с родителями. Не совсем. Завтра все мы будем знать, что любим друг друга. И всё равно станем выбирать каждое слово.

◇ ◆ ◇

Проснулась я резко. Не от шума.

Не от сна. Скорее от его отсутствия.

Несколько секунд я лежала неподвижно, глядя в знакомый потолок, и пыталась понять, что именно не так. Потом поняла. Никого. Никакого чужого берега, никакого голоса и того странного ощущения, будто сон вдруг стал слишком настоящим.

Я снова закрыла глаза и подождала. Глупо, конечно. Словно Лаксиан мог опоздать в мой сон и всё-таки появиться, если я достаточно убедительно продолжу лежать.

Ничего. Я открыла глаза.

— Серьёзно?

Тишина. Вот же. Я перевернулась на спину. Может, для него прошло слишком мало времени. Пустота жила по своим правилам. Я так и не научилась нормально чувствовать там часы, если он сам не сообщал, сколько прошло снаружи. Возможно, для меня закончилась ночь, а для него — несколько минут.

Хорошо. Допустим. Очень разумное объяснение. Совершенно не отменяющее того факта, что он мог хотя бы прийти и проверить, не оказалась ли я после первого самостоятельного перехода в стене. Или в другом мире. Или, например, прямо перед родителями. Последнее почти произошло.

Я натянула одеяло выше.

— Даже не спросил, как добралась.

Молчание.

— И как меня уже посадили под охрану.

Ничего. Говнюк. Я ещё несколько секунд смотрела в потолок. Потом демонстративно отвернулась на бок.

— Ну и ладно.

Очень убедительно, — лениво отозвался Морвэн.

Я резко села.

— Господи!

Тень от шкафа шевельнулась. Совсем немного. Если бы я не знала, куда смотреть, решила бы, что свет изменился.

Доброе утро.

Я прищурилась.

Ты давно здесь?

Опасный вопрос.

Морвэн.

Достаточно.

— Маньяк.

Надзиратель.

Точно. Триста пятьдесят лет. Я опустила ноги на пол.

— Ты реально всю ночь тут торчал?

Нет.

Я посмотрела на тень.

Иногда перемещался.

— Потрясающе.

Я ответственный тюремщик.

— Я уже начинаю жалеть, что...

Я осеклась. Ещё мгновение — и назвала бы его вслух. Господи. Семьдесят дней в другом мире, а собственный язык я до сих пор не научилась контролировать. В комнате ничего не изменилось. За дверью — тоже. Но сердце на секунду неприятно ударило.

Морвэн не ответил. Ни вслух. Ни мысленно. Тень просто оставалась тенью. Я медленно выдохнула.

Вот поэтому мы теперь думаем прежде, чем говорим.

Ты?

Мы.

Мне-то что.

Я встала.

Тебе пятьсот лет добавлю.

К чему?

К сроку.

Так это я тебя посадил.

Власть меняется.

Ещё до завтрака. Тревожный признак.

Я прошла в ванную. Тень скользнула по полу следом.

— Ты серьёзно?

Что?

— Сюда тоже?

Тёмное пятно остановилось у порога.

У меня есть достоинство.

— Вчера ты говорил, что у теней другое достоинство.

Оно очень гибкое.

Я закрыла дверь. Вот же зараза.

◇ ◆ ◇

Холодная вода помогла. Не сильно. Но хотя бы лицо стало выглядеть так, будто я действительно спала, а не провела половину ночи, обсуждая межмировую войну с собственной тенью. Я собрала волосы, распустила их и снова собрала, после чего раздражённо посмотрела на своё отражение.

— Какая разница.

Большая, — отозвался Морвэн из комнаты. — *Сегодня семейный допрос. Нужно выглядеть невинно.*

Я выглянула. Он по-прежнему не материализовался. Только едва заметное затемнение лежало у ножки кресла.

— Ты можешь не помогать.

Но тогда тебе будет скучно.

Я вернулась к зеркалу. Сегодня мне действительно предстоял разговор. Не сейчас. Через... Я понятия не имела, сколько. Во дворце уже началось утро. За дверью иногда слышались шаги. Смена охраны, слуги, первые распоряжения. Я ещё раз посмотрела на себя.

Не слишком бледная. Глаза чуть уставшие. Нормально. Человек, который пережил семьдесят дней неизвестно где, имел право выглядеть не идеально. Даже подозрительнее было бы выйти сияющей. Я только успела застегнуть одежду, когда в дверь постучали. Морвэн исчез из поля зрения мгновенно.

Не совсем. Я всё ещё чувствовала его. Но теперь тень у шкафа стала абсолютно обычной.

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге появился старший камердинер отца. Я знала его с детства. За последние годы волосы у висков стали заметно светлее, но всё остальное осталось прежним: идеальная осанка, спокойное лицо и выражение человека, который способен сообщить о пожаре во дворце тем же тоном, каким объявляет завтрак.

Сегодня даже он смотрел на меня чуть дольше положенного.

— Ваше Высочество.

— Доброе утро.

Он поклонился.

— Их Величества просят передать, что будут ждать вас через час в кабинете короля.

Вот. Кабинет. Я чуть расслабилась. Совсем немного. Не тронный зал. Не зал Совета. Не помещение, где вдоль стен удобно рассадить пятнадцать человек с одинаково заинтересованными лицами.

Кабинет отца. Хорошо. Это всё ещё могло означать что угодно. Но вероятность обнаружить там половину Совета уменьшилась. Надеюсь.

— Спасибо. Я приду.

Камердинер снова поклонился, но не сразу отступил к двери. На мгновение его привычная невозмутимость дала трещину: он словно хотел сказать что-то ещё, хотя прекрасно знал, что это выходит за рамки обычного сообщения.

— Рад видеть вас дома, Ваше Высочество.

Я улыбнулась. По-настоящему.

— Спасибо.

Он ушёл. Дверь закрылась.

Кабинет, — немедленно прокомментировал Морвэн.

— Слышала.

Лучше, чем Совет.

— Намного.

Может быть, там всего двенадцать человек.

Я повернулась к тени.

— Заткнись.

Десять?

— Морвэн.

Хорошо. Трое палачей и родители.

Я бросила в него щёткой. Она пролетела сквозь тень и ударилась о кресло.

Агрессия с утра. Нервничаешь.

Я подняла щётку.

— Через час узнаем, насколько.

Я подошла к окну, из которого была видна часть сада. После такой ночи хотелось снова оказаться там, а не сидеть ещё целый час в комнате, перебирая вопросы, которых мне пока никто не задал. И заодно...

Я посмотрела на дверь.

Проверим?

Тень у кресла чуть вытянулась.

Охрану?

Всё.

Вот. Морвэн понял сразу.

Мне начинает нравиться новая ты.

Старая тоже была великолепно.

Старая чаще сначала делала, потом думала.

Я взялась за ручку.

Не преувеличивай.

Ты одна полезла в лес.

Я остановилась.

Ладно. Аргумент.

◇ ◆ ◇

Стража стояла там же. Другие лица. Значит, смена уже прошла. Прекрасно. Я вышла. Оба сразу выпрямились.

— Доброе утро.

— Ваше Высочество.

Я сделала несколько шагов, и стражники без всякой команды последовали за мной. Я даже не стала оборачиваться.

Предсказуемо, — заметил Морвэн.

Он скользил рядом по стене. Для любого неподготовленного человека это выглядело бы обычным движением тени от света настенных кристаллов. Нужно было знать его слишком хорошо, чтобы увидеть маленькие неправильности. Иногда край двигался против источника света. Иногда задерживался на повороте.

Иногда вытягивался чуть ближе к моим ногам. Четырнадцать лет. Я знала. Другие — вряд ли.

Не удивили, — ответила я.

Разочарована?

Немного.

Мы спустились по лестнице. Стражники — за нами. Я свернула не к главным залам. К саду. Они свернули тоже. Хорошо. Пока всё просто.

Первую странность я заметила у восточной галереи, где дежурили двое стражников. Раньше здесь тоже выставляли посты, но только во время приёмов или приезда важных гостей, а не обычным утром.

У выхода к саду стояли ещё двое. Я прошла мимо. Они поклонились. За спиной мои личные сопровождающие не отстали.

Считаешь? — спросил Морвэн.

Уже.

Сад встретил нас прохладой. После комнаты дышать стало легче. Я свернула на знакомую дорожку. Никакой цели. Просто прогулка. По крайней мере, именно так это должно выглядеть. На первой развилке я заметила стражника у дальней арки. Ещё один стоял возле лестницы на нижние террасы, двое — у ворот.

Я замедлила шаг.

Раньше столько было?

Нет.

Когда добавили?

Часть — после твоего исчезновения. Ещё часть — вчера.

Я пошла дальше, нарочно свернув ближе к боковому выходу. Там обнаружили ещё двое. Дворец охраняли всегда. Разумеется. Но прежде стража была настолько привычной частью его жизни, что я почти перестала её замечать.

Теперь же люди в форме встречались на каждом повороте. Особенно возле выходов с внутренней территории. Словно кто-то очень старательно следил за тем, чтобы по дворцу можно было ходить куда угодно — но не выходить за его пределы.

Я остановилась у цветущего куста и сделала вид, что рассматриваю цветы.

Ну?

Птичку заперли.

Слово ударило неожиданно. Птичку. Тепло пришло раньше, чем я успела остановить. Голос.

Иди домой, птичка.

Рука на щеке. Темнота Пустоты. До следующей встречи. Я моргнула. Нет. Не сейчас. И вообще...

Он не пришёл. Вот же древний бессовестный...

Мираэль?

Я резко вернулась в сад.

Что?

Ты только что смотрела на цветок так, будто он лично тебя предал.

Я коснулась лепестка.

Размышляла.

Опасно.

Знаю.

Морвэн помолчал. Наверное, заметил больше. Не полез. Молодец. Четырнадцать лет воспитания начинали приносить результат. Я пошла дальше.

Заперли или охраняют?

Это ты у меня спрашиваешь?

Ты здесь был.

Именно поэтому отвечаю: пока не знаю.

Хорошо. Честно.

После твоего исчезновения дворец усилили. Это нормально.

Да.

После возвращения добавили людей именно к твоему крылу и выходам.

Уже интереснее.

Тоже можно объяснить.

Твой отец решил, что если дочь умеет исчезать раз в сезон, лучше сократить возможности.

Я закатила глаза.

Не смешно.

Немного смешно.

Мне нет.

Ты потенциальная беглянка. Мне положено наслаждаться.

Мы подошли к тому самому пруду, и я устроилась на старой скамье. Стражники остановились на расстоянии, достаточном, чтобы формально не подслушивать разговор, но позволяющем видеть каждое моё движение. Морвэн тем временем растёкся тенью у моих ног. Красиво. Практично. Невыносимо.

Я посмотрела на воду.

Если я сейчас пойду к воротам?

Хочешь проверить?

Я подумала. Очень хотелось. Но нет. Слишком рано. Если нас действительно заперли, лучше узнать не демонстративной попыткой выйти из дворца через час после возвращения. Если не заперли — незачем самой создавать повод.

Не сейчас.

Разумно.

Я посмотрела вниз.

Не привыкай.

Поздно.

Некоторое время мы сидели молча. В этой тишине не было привычной суеты мыслей: я слышала плеск воды, голоса садовников на дальней террасе и шорох листьев. Постепенно мысли всё-таки вернулись к тому, ради чего я вышла из комнаты.

Через час предстоял разговор, и мне нужно было решить, что именно я скажу. Выдумывать идеальную историю не стоило: после семидесяти дней исчезновения она выглядела бы слишком подозрительно. Лучше говорить правду.

Просто не всю.

Начнём сначала, — подумала я.

Морвэн не ответил. Но тень чуть сдвинулась ближе. Слушает. Хорошо. Лес. Это просто. Там я могла говорить почти всё.

Нападение. Инферэль. Существо. Арин. Попытка спасти человека. Попытка выжить самой. Коллапс.

Всё это было. Ни одного выдуманного события. Даже лучше.

Про Арина? — спросил Морвэн.

Я задержала взгляд на воде.

Он был со мной в лесу.

Правда.

Потом?

Вот здесь. Я провела пальцем по каменному краю скамьи.

Потом всё развалилось.

Тоже правда.

Если спросят, где он оказался?

Не знаю.

Морвэн хмыкнул.

Ты знаешь.

Я не знаю, где он оказался в тот момент.

Тишина. Потом:

Отвратительно хорошая формулировка.

Спасибо.

Это был не комплимент.

Конечно.

После леса.

Вот там сложнее. Что я помню? Всё. Что могу сказать? Почти ничего.

Но был кусок, который не требовал лжи.

Ничего.

Морвэн будто прислушался.

В смысле?

Я закрыла глаза. Не сад. Не вода. Пустота. Первая. До тела. До комнаты.

До голоса. Ни рук. Ни ног. Ни света. Даже имя не сразу было моим.

Именно ничего.

Я открыла глаза.

Я могу сказать, что после леса очнулась... нет. Даже «очнулась» неправильно. Пришла в сознание там, где не было ничего.

Морвэн перестал шутить.

Это правда?

Да.

Он помолчал.

Совсем ничего?

Сначала — даже меня почти не было.

Тень возле моей ноги неподвижно застыла. До этой секунды Морвэн внимательно следил за тем, насколько убедительным получится мой рассказ для родителей. Теперь я почувствовала, как всё его внимание переключилось на саму историю. Я пожалела, что сказала это так прямо. Не потому, что хотела солгать ему, — просто слишком хорошо представляла, что он сейчас мог подумать.

Мираэль.

Не сейчас.

Пауза.

Хорошо.

Вот. Дальше.

Я собирала себя.

Сознание. Память. Имя. Потом тело. Магию. Можно сказать. Это тоже правда.

Даже очень.

Сама? — спросил Морвэн.

Вот вопрос. Я посмотрела на пруд. Сама ли? В начале — да. Лаксиан был рядом. Помогал. Создавал пространство.

Удерживал. Лечил. Но первый выбор существовать был моим. Он сам это говорил.

Я сама вернула сознание.

Морвэн понял уклонение.

Красиво.

Правда.

Я не спорю.

Вот и хорошо.

Если родители спросят прямо: кто помогал?

Потом. Не сейчас решать.

Можно сказать:

Не сразу поняла, где нахожусь.

Правда.

Долгое время была слишком слаба, чтобы понять хоть что-то.

Правда.

Восстанавливалась.

Правда. И не называть ни одного имени. Чем меньше деталей, тем меньше мест, где можно зацепиться.

Теперь магия.

Я посмотрела на собственную ладонь. Она молчала. Я специально не звала.

Вот тут проще.

Серьёзно?

Да.

Морвэн, кажется, заинтересовался.

Инферэль. Лес. Пространственный удар. Перегрузка.

Я загибала пальцы.

Магическая структура не выдержала.

Красиво.

И правда.

Частично.

Лучший вид.

Тень почти фыркнула.

Сила перестала отвечать. Потом начала возвращаться по мере восстановления сознания и тела.

Вот. Очень даже хорошо. Без осколка. Без извлечения. Без двух частей Лаксиана. Без того, что мою магию пришлось практически учить заново признавать меня своей. Хотя...

Последнее можно использовать. Я улыбнулась.

Что?— немедленно спросил Морвэн.

Сила расстроилась и закрылась.

Долгая пауза. Потом тень дёрнулась.

И теперь?

Простила.

Морвэн материализовался бы, только чтобы посмотреть на меня, если бы вокруг не было стражи.

Ты собираешься сказать это отцу?

Нет.

Жаль.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Нормально: после перегрузки связь с собственной магией нарушилась. Сейчас постепенно восстанавливается.

Скучно.

Зато убедительно.

К сожалению.

Хорошо. Один блок готов.

Теперь сон. Каэль. Они наверняка знают. Он мог рассказать. Я сама его просила. Скорее всего рассказал хотя бы родителям, что видел меня.

Не всё. Но достаточно.

Если спросят, как я пришла к Каэлю во сне...

Скажи, что я научил.

Я посмотрела вниз.

Серьёзно?

Нет.

Вот гад.

Хотя было бы смешно.

Они потом спросят тебя.

И я скажу, что ты исключительно талантливая ученица.

Ты ужасный свидетель.

Поэтому меня обычно не вызывают.

Я задумалась. Сон можно было не объяснять подробно: магия частично вернулась, я почувствовала связь с человеком, которого хорошо знаю, и сумела до него дотянуться. Никакой отдельной техники и никакого пространственного перехода — совершенно другая природа происходящего.

Хорошо. А вот с возвращением домой всё было гораздо сложнее.

Я смотрела на пруд несколько секунд. Потом ещё.

Что?— спросил Морвэн.

Как я вернулась.

Тень молчала. Вот. Он тоже понял. Если я скажу про переход — первое, что сделают люди, которые ищут Лаксиана, это начнут искать след. Изучать. Сравнивать. Проверять мою магию на пространственные структуры.

И самое худшее — они поймут, что существует дорога. Пусть даже не знают куда. Дорога сама по себе уже проблема. Особенно если однажды я действительно открою её снова.

Нет. Порталы из разговора нужно убрать полностью. Не врать. Но сделать так, чтобы эта мысль им вообще не понадобилась.

Сказать, что очнулась в лесу?

Морвэн сразу:

Плохо.

Знаю.

Потому что следующий вопрос: как попала? И всё сначала. Я потёрла висок.

Если сказать, что не помню сам момент?

Помнишь.

Ненавижу тебя.

Это не моя память.

Лаксиан говорил: правда. Не вся. Что произошло на самом деле? Я восстановила достаточно магии. Почувствовала Эрэбию. Нашла связь.

Удержала. Оказалась дома. Вот и всё. Я медленно выпрямилась.

Я нашла дорогу домой.

Морвэн замолчал.

Это звучит подозрительно.

Если отдельно — да.

Я начала складывать.

После того как сила стала возвращаться, я начала чувствовать Эрэбию.

Это правда.

Не место. Дом.

Тоже.

Связь становилась сильнее.

Ну... В каком-то смысле.

И когда я смогла удержать её достаточно долго, я вернулась.

Морвэн всё ещё молчал.

Как?

Вот именно. Я посмотрела на него.

Не знаю, как это назвать.

И вот это тоже было правдой. Не портал. Не пространственная магия Каэля. Не обычный переход. Лаксиан сам объяснял: совпадение состояний. Связь. Узнавание пространства.

Я не открывала портал.

Очень важно.

И пространственной магией не владею.

Ещё лучше.

Просто удерживала связь с Эрэбией, пока...

Я поискала формулировку.

...пока не оказалась здесь.

Морвэн наконец отозвался:

Очень туманно.

И прекрасно.

Они будут спрашивать дальше.

Пусть.

Я пожала плечами.

Я действительно не знаю, как это классифицировать.

Не знаю. Правда.

И не знаю, смогу ли повторить.

Вот. Ещё более важная правда. Теорию я знала. Практики обратного пути — нет. Никакой гарантии тоже. Поэтому если отец спросит:

Ты можешь сделать это снова?

Ответ:

Не знаю.

Без игры. Без лжи. Идеально. Морвэн медленно вытянул тень вдоль камня.

Ты стала очень неприятным человеком для допросов.

Спасибо.

Опять не комплимент.

Опять принимаю.

Я посмотрела на воду. Основа будущего рассказа постепенно складывалась: лес, Инферэль, потеря магии, восстановление, сон с Каэлем и возвращение домой. Всё это произошло на самом деле. Но родители не должны узнать о пространстве, где я находилась, об извлечении осколка и о том, кто помог мне вернуться.

Особенно если кто-нибудь из них сам произнесёт его имя. Я уже могла представить, насколько трудно будет сохранить спокойное лицо. Я глубоко вдохнула.

А если спросят прямо, где был Арин после леса?

Морвэн выбрал самый мерзкий вопрос. Разумеется. Я задумалась.

Скажу, что после коллапса его не видела.

Тень замерла. Я сама услышала. Слишком близко ко лжи. Нет. Отказалась.

Нет.

Уже лучше.

Скажу, что не знала, что с ним произошло после леса.

Это правда. В тот момент — не знала. Но отец может спросить:

А потом?

Чёрт.

А потом скажу, что не хочу сейчас обсуждать других людей, пока не объяснила, что произошло со мной.

Морвэн почти удовлетворённо шевельнулся.

Вот это хорошее.

Я знаю.

Не отвечать — тоже ответ. Но не ложь. Я поднялась со скамьи. Времени оставалось всё меньше. Нужно идти. Стражники тут же чуть выпрямились. Конечно.

Морвэн снова превратился в почти обычную тень возле моих ног.

Мы медленно пошли обратно, а я продолжала мысленно выстраивать правила предстоящего разговора. Каждый вопрос раскрывает не только интерес собеседника, но и то, что ему уже известно. Значит, нельзя отвечать прежде, чем пойму, почему меня спрашивают.

Не стоит исправлять чужие ошибочные предположения, если они мне выгодны, или рассказывать больше, чем меня попросили.

И самое главное — не пытаться убедить их слишком сильно. Люди начинают искать именно там, где их настойчиво просят не смотреть.

Ты сейчас буквально строишь стратегию разговора с родителями.

Да.

Горжусь.

Я посмотрела на тень.

Врёшь.

Нет.

Вот тут он меня удивил.

Серьёзно?

Ты обычно входишь в разговор с мыслью «я права, сейчас всё объясню, и нормальные люди поймут».

Я поморщилась.

Не всегда.

Почти.

Он выдержал паузу.

Сейчас ты впервые учишься, что нормальные люди могут любить тебя и всё равно иметь цели, которые тебе не подходят.

Я ничего не ответила. Потому что попал. Очень точно. Мы прошли через галерею. Стража за нами. Другая у дверей. Ещё двое на лестнице.

Теперь я замечала всех. И уже не могла перестать.

Птичку охраняют, — снова бросил Морвэн.

Я споткнулась почти незаметно. Вот же...

Не называй меня так.

Тишина. Потом очень медленно:

Интересно.

Чёрт.

Ничего интересного.

Я вообще ничего не сказал.

Именно.

Подозрительная реакция.

Морвэн.

Молчу.

Он замолчал. Наверное, на целых двадцать секунд. Я сосредоточилась на коридоре. Не сейчас. Лаксиан не пришёл во сне. И это было хорошо. Наверное.

Если бы пришёл, я бы сейчас думала ещё хуже. Хотя мог бы. Просто на минуту. Спросить, добралась ли. Узнать про охрану. Услышать, что Морвэн официально увеличил срок до трёхсот пятидесяти лет. Паразит.

Ты опять, — заметил Морвэн.

Что?

Лицо.

Я немедленно расслабила выражение.

Спасибо.

Всегда пожалуйста.

Вот. Полезный маленький мерзавец. Перед кабинетом отца стояли двое стражников. Конечно. И камердинер. Он увидел меня и сразу шагнул навстречу.

— Ваше Высочество. Их Величества ждут.

Я остановилась. Посмотрела на дверь. Знакомую. Тяжёлое тёмное дерево. Серебряная ручка. Сколько раз в детстве я врывалась сюда без стука. Сколько раз сидела на краю отцовского стола, пока он пытался работать.

Сколько раз приходила жаловаться на наставников, придворных, жизнь и несправедливое устройство мира. Сегодня я впервые стояла перед этой дверью и заранее решала, какую часть себя оставить снаружи. Морвэн лёг тенью у моих ног.

Готова?

Я выдохнула. Лес. Инферэль. Коллапс. Ничего. Собрала себя. Магия начала возвращаться.

Почувствовала дом. Нашла дорогу. Правда. Не вся. Но правда.

Нет.

Тень едва заметно шевельнулась.

Отлично.

Я почти улыбнулась. Камердинер положил ладонь на ручку. А я вдруг подумала, что «завтра поговорим» прозвучало вчера намного безобиднее. Теперь завтра наступило. Камердинер открыл дверь. Я вошла. Первое, что увидела, — отца.

Он стоял у окна спиной ко мне, но обернулся сразу, как только дверь открылась. Мама сидела в кресле возле его стола. Перед ней стояла нетронутая чашка. Рядом — ещё одна. Для меня. Хорошо. Три человека. Семейный разговор. Я почти успела выдохнуть.

Почти.

Потом я заметила четвёртого. Сайн стоял у дальней стены, заложив руки за спину. Он не занимал место за столом, не держал документов и почти целиком оставался в полумраке: свет настенных кристаллов едва достигал того места, где он расположился.

Разумеется. Я остановилась прямо у двери. Морвэн лёг тенью вдоль края ковра и тоже замер.

Ну вот, — возникло в голове.

Я не ответила. Отец уже сделал шаг ко мне.

— Как ты себя чувствуешь?

Но я смотрела на Сайна. Он встретил взгляд спокойно. Так же, как всегда. Никакого вызова. Никакого извинения. Очень удобно.

— А он что здесь делает?

В комнате стало тихо. Папа остановился. Мама чуть выпрямилась. Сайн не пошевелился. Хорошо. Начали.

— Мираэль, — осторожно сказал отец.

— Я просто уточняю.

Я перевела взгляд на родителей.

— Вчера мне показалось, что сегодня мы собирались поговорить втроём.

Мама посмотрела на Сайна. Коротко. Вот. Не её идея? Или просто неудобно? Не спешить. Смотреть.

— Сайн попросил присутствовать, — сказал отец.

Попросил. Очень интересное слово.

— Как частное лицо?

Отец чуть нахмурился.

— Как представитель Хранителей.

— А.

Я кивнула. Будто это всё объясняло. Подошла ближе.

— Значит, всё-таки не семейный разговор.

— Это семейный разговор, — сразу сказала мама.

Я посмотрела на неё. Она поняла раньше, чем я ответила.

— Он здесь только потому, что события в лесу касаются разломов и Хранителей.

— Только поэтому?

Едва заметная пауза. Маленькая. Но была.

Бровь, — напомнил Морвэн.

Я расслабила лицо. Спасибо. Мама не отвела взгляда.

— Да.

Не знаю, поверила ли я. Не знаю даже, врала ли она. Возможно, сама считала это полной правдой. Я посмотрела на Сайна.

— И всё, что я сейчас скажу, останется исключительно в этой комнате?

Он молчал. Отец ответил вместо него:

— Мираэль...

Я подняла руку.

— Нет. Я хочу понимать условия разговора до того, как он начнётся.

Теперь Сайн чуть изменил положение головы. Совсем немного. Заинтересовался. Хорошо. Пусть.

— Хранители получают отчёт? — спросила я.

Отец медленно выдохнул. Ответ уже был.

— Они должны знать, что произошло в лесу.

— Я спрашивала не что они должны знать.

Ещё одна пауза. На этот раз неприятнее. Мама произнесла:

— Да.

Вот. Спасибо хотя бы за честность. Я кивнула.

— Хорошо.

Подошла к свободному креслу. Не села. Сначала посмотрела на Сайна.

— А говорить вы будете?

— Только если понадобится.

За всё время, что я находилась в кабинете, это были его первые слова. Ровные, нейтральные, произнесённые так, будто мы обсуждали погоду, а не моё исчезновение. И всё же сама возможность того, что он в любой момент вмешается, делала семейный разговор гораздо менее семейным.

— Как успокаивает.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то. Не улыбка. Почти. Я села. Отец тоже занял кресло напротив. Мама подвинула ко мне чашку.

— Чай ещё тёплый.

— Спасибо.

Я взяла её. Руки не дрожали. Хорошо. Морвэн растёкся под креслом. Его почти невозможно было заметить. Даже мне приходилось специально чувствовать связь, чтобы понимать, где он.

Слишком прямо, — сообщил он.

Что?

Ты вошла и сразу начала кусаться.

Он здесь.

Я заметил.

Мне не нравится.

Мне тоже. Но лицо у тебя сейчас сообщает примерно: «ещё один вопрос — и я выпрыгну в окно».

Я сделала глоток. Опустила плечи.

Так?

Намного лучше.

Ненавижу. Полезный.

Отец положил руки на колени.

— Мы не собираемся тебя допрашивать.

Я чуть не подавилась чаем. Мама бросила на него взгляд. Папа понял.

— Плохо сформулировано.

— Очень.

Он потёр переносицу.

— Мы хотим понять, что с тобой произошло.

Вот это звучало честнее. Я поставила чашку.

— Я тоже хотела бы многое понять.

Мама сразу насторожилась.

— Ты до сих пор чего-то не помнишь?

Опасно быстро. Первый настоящий вопрос.

— Помню достаточно.

— Насколько достаточно?

Я посмотрела на неё. Вот. Началось.

— Давайте не так.

Мама замолчала. Я сама удивилась собственному тону. Не грубо. Но твёрдо.

— Я расскажу по порядку то, что произошло со мной. А потом вы спросите, что останется непонятным.

Отец посмотрел на маму. Она кивнула. Сайн ничего. Конечно. Я вдохнула. Лес. Инферэль.

Коллапс. Правда. Не вся. Но правда.

— Начну с леса.

◇ ◆ ◇

Первые несколько минут говорить оказалось легче, чем я думала. Потому что там нечего было скрывать. Я рассказала, как услышала Арина. Как пошла на голос. Как увидела его у дерева — раненого настолько, что он едва мог подняться. Мамины пальцы сразу сжались вокруг чашки.

— Ты пошла одна?

Я посмотрела. Она сама остановилась.

— Прости. Продолжай.

Я кивнула.

— Существо появилось почти сразу.

Отец подался вперёд.

— То же, которое встречалось тебе раньше?

Вот тут следовало быть осторожнее. Я помнила теперь, что первые встречи не были случайными. Они этого не знали.

— Похожее.

Правда.

— Я не успела рассмотреть достаточно, чтобы утверждать наверняка.

Тоже правда.

Я продолжила рассказывать о щите, первом ударе, онемевших до плеч руках, второй атаке и трещинах, которые побежали по защите.

Перед родителями я не стала ничего приукрашивать. Напротив, чем точнее звучал рассказ, тем меньше причин появлялось искать за ним какую-то другую историю.

— Оно вытягивало магию через любое прямое соединение, — объяснила я. — Я попыталась связать его тенью и почувствовала, как сила просто уходит по ним в обратную сторону.

Мама побледнела. Мама понимала лучше отца. Она сама была сильной феей и прекрасно знала, что означала потеря контроля над собственным потоком.

— Ты оборвала связь?

— Сразу.

— И?

Я посмотрела на руки.

— Было больно.

Мама открыла рот. Я продолжила раньше.

— Не критично. Тогда ещё нет.

Хорошо, — тихо сказал Морвэн.

Я не ответила. Отец сидел совершенно неподвижно. Только пальцы на подлокотнике сжались сильнее. Я рассказала, как пыталась поднять Арина. Как он не мог идти. Как разломы начали открываться вокруг.

Первый. Второй. Третий. Как существо не пыталось убить нас быстро. Оно загоняло. Отрезало путь. Оставляло всё меньше пространства.

— А связь? — спросил отец. — С Морвэном? С Каэлем?

Я покачала головой.

— Ничего.

Под креслом тень слегка дрогнула. Не голос. Просто память. Я почти физически почувствовала ту пустоту снова. Тянусь к Морвэну. Нет ответа. К Каэлю.

Нет.

— Я оставляла метки, — сказала я. — До того, как связь оборвалась.

Отец резко посмотрел на Сайна. Вот. Они знали. Конечно. Сайн не изменился. Но я заметила. Он знал про метки.

И отец знал, что он знает.

Не смотри на него, — сказал Морвэн.

Чёрт. Я вернулась к родителям.

— Дальше я в основном пыталась не дать существу добраться до Арина.

— Почему? — спросил отец.

Не осуждение. Непонимание.

— Потому что он был ранен.

— Мираэль...

— Пап.

Я посмотрела прямо.

— Он лежал в двух метрах от меня и истекал кровью. Я не могла решить, что он недостаточно важен, чтобы рисковать.

Отец закрыл глаза на секунду. Наверное, вспомнил, что именно так я поступала всегда. Упрямо. Нерационально. По-человечески.

— Продолжай, — сказал он.

Я продолжила. Атаки. Уклонения. Счёт. Один. Два. Три.

Дыхание, которое стало рваным. Плечи, в которых каждый новый щит отзывался болью. Магия, которую приходилось вытягивать из себя руками почти буквально. Мама больше не пила чай. Отец тоже. А Сайн...

А вот Сайн слушал иначе. Не просто воспринимал мой рассказ, а словно сопоставлял его с тем, что уже знал. Иногда он опускал взгляд к моим рукам, иногда смотрел в пол, но особенно внимательно следил за словами о разломах. Само существо, судя по его реакции, интересовало его гораздо меньше.

Интересно.

Видишь? — спросил Морвэн.

Да.

Значит, Хранителей действительно больше интересовала структура произошедшего, чем сама тварь. Запомнить.

— В какой-то момент щит не выдержал, — сказала я. — Меня отбросило.

Мама резко вдохнула. Я посмотрела на неё. Хотелось смягчить. Не стала. Нам сейчас нужна правда.

— Несколько секунд я не могла вдохнуть.

Она закрыла ладонью рот.

— Мираэль...

— Всё уже хорошо.

Плохая фраза. Я сама поняла. Слишком привычная. Мама тоже. Но ничего не сказала.

— Арин попытался поставить собственную защиту. Она не выдержала.

Я помнила крик. Тело, отброшенное к дереву. Кровь. Очень много.

— Его ударило?

— Да.

— Насколько сильно?

Отец. Тихо.

— Я тогда подумала, что он умер.

Вот. В комнате стало совсем тихо. Сайн впервые отвёл взгляд. Не сильно. На полсекунды.

Но я поймала. Почему?

Арин? Или просто человек? Не додумывать. Пока.

— После этого я потеряла контроль.

Тени. Все сразу. Дикие. Без формы. Из земли. Из деревьев. Из крыльев.

— Я чуть не задела его сама.

Мама закрыла глаза.

— И тогда остановила силу.

— Как?

Хороший вопрос. Я вспомнила собственные ногти, впившиеся в ладони.

— Никак особенно.

Отец нахмурился.

— Мираэль.

— Я просто... испугалась себя сильнее, чем существа.

Правда.

— И приказала магии остановиться.

— Она послушалась?

Я чуть усмехнулась.

— Не сразу.

Никто не улыбнулся. Хорошо. Дальше было хуже. Меня снова отбросило. Тело перестало слушаться. Я лежала на земле. Не могла нормально поднять руку.

Каждый вдох болел. Тварь шла к Арину. И я поняла одну очень простую вещь.

— Я не хотела умирать.

Мама дрогнула. Отец перестал даже притворяться спокойным.

— Я знаю, звучит очевидно.

— Не звучит, — тихо сказала мама.

Я посмотрела на неё. В её глазах уже стояли слёзы. Вот здесь стало тяжело. Потому что я помнила ту мысль. Домой. К маме, на которую злюсь. К отцу, с которым слишком много недоговорено.

К Морвзну. К Каэлю. И теперь сидела перед ними. Получила своё маленькое негероическое завтра. Только оно оказалось намного сложнее, чем я представляла.

— Я лежала и думала, что хочу домой, — сказала я.

Мама отвернулась. Папа провёл ладонью по лицу. Да. Больно. Мне тоже. Но это было правдой. Не инструментом.

Не красивым ходом. Просто правдой, которая заодно делала всё остальное убедительнее. Наверное, Лаксиан бы оценил. Чёрт. Не сейчас.

Лицо, — тихо предупредил Морвэн.

Я моргнула. Вернулась.

Спасибо.

— Потом что-то изменилось, — продолжила я.

Вот здесь Сайн снова поднял глаза. Очень внимательно.

— Что именно? — спросила мама.

Я посмотрела на свою ладонь.

— Я начала видеть магию иначе.

— Как?

— Не как силу.

Я искала слова. Хотя знала их. Линии. Узлы. Связи. Но давать слишком много не стоит.

— Как структуру.

Сайн почти неуловимо напрягся. Вот. Вот это ему интересно.

— Я увидела, что существо удерживается здесь через разломы. Что оно не просто пользуется ими. Они были частью того, как оно существовало в нашем пространстве.

Отец нахмурился. Мама смотрела уже не только как мать. Как фея.

— И ты закрыла разломы?

— По одному.

— Сама?

Я посмотрела на маму.

— Да.

Правда. Полная. Сайн моргнул. Первый настоящий прокол. Едва заметный. Но был.

О, — сказал Морвэн.

Вижу.

Интересно. Они не знали наверняка. Хорошо.

— Я не уничтожила существо напрямую, — продолжила я. — Разорвала связи, через которые оно удерживалось здесь. Последний разлом схлопнулся, и оно исчезло.

Мама смотрела на меня почти с ужасом.

— Тебя этому учили?

Вот. Опасно.

— Нет.

— Тогда откуда ты знала, что делать?

Я выдержала взгляд.

— Не знала.

Правда.

— Я увидела структуру и попробовала.

— Ты просто попробовала?

Я приподняла бровь.

— В мою защиту, вариантов было немного.

Отец тихо выругался. Не очень по-королевски. Очень по-папиному. Я почти улыбнулась. Мама нет.

— Что произошло с твоими крыльями?

Вот. Знают и это. Наверное, следы. Или Каэль с Морвэном рассказывали.

— Изменились.

— Как?

Я описала. Синий. Фиолетовый. Серебро. Знаки по прожилкам. Такие же на руках. Сайн снова смотрел слишком внимательно.

Я намеренно не смотрела на него долго. Нельзя показать, что отслеживаю.

— Они есть сейчас? — спросил отец.

— Нет.

— Можешь вызвать?

— Сейчас? Нет.

Тоже правда. Я ещё не вернула полноценную форму. Мама наконец взяла чашку. Не выпила. Просто держала.

— А потом?

Вот. Самая болезненная часть. Я рассказала. Как после боя сила ушла почти вся. Как я поползла к Арину. Как нашла пульс. Слабый.

Слишком редкий. Как попыталась остановить кровь.

— У тебя оставалась магия?

Мамин голос был очень тихим.

— Почти нет.

— Но ты всё равно лечила его.

— Да.

Она закрыла глаза. Отец сказал:

— Мираэль.

В одном имени было всё. Зачем. Почему. Снова.

— Если бы я не сделала этого, он мог умереть.

— А ты?

Я посмотрела на папу.

— Тоже.

Челюсть у него напряглась.

— Ты это понимала?

Я подумала.

— В конце — да.

Никакой красивой версии. Он отвернулся. Сайн тоже. Интересно. Вот теперь его лицо было совсем не тем спокойным лицом Хранителя, которое я привыкла видеть. Не сильно. Чужой бы не заметил.

Я заметила. Взгляд стал жёстче. Не на меня. Куда-то в собственные мысли. Губы сжались. Ему не нравилось услышанное. Почему?

Потому что я почти умерла? Или потому что он уже знал, что Арин был связан с чем-то намного большим, и теперь слышал, что я едва не убила себя, спасая его? Не знать. Не решать заранее.

Умница, — сказал Морвэн.

Я мысленно показала ему очень неприличный жест. Тень у кресла слегка дрогнула.

— Я остановила кровь, — продолжила я. — Кажется. Последнее, что помню, — Арин поймал меня, когда я начала падать.

Мама замерла.

— И всё?

Я посмотрела на неё.

— Он сказал «прости».

Не стоило? Нет. Это тоже правда. И родители знали, что Арин был там. Пусть.

— Потом стало темно.

Тишина. Долго. Настолько, что я слышала часы на отцовском столе. Тик. Тик. Тик. Мама первая спросила:

— Что было, когда ты очнулась?

Вот. Переходим границу. Я поставила чашку. Пальцы спокойно разжались.

Медленнее, — подсказал Морвэн.

Я вдохнула.

— Сначала я не очнулась.

Отец нахмурился.

— Что это значит?

— Именно то.

Я посмотрела между ними.

— У меня не было ощущения тела.

Мама застыла.

— Совсем?

— Совсем.

Теперь никаких стратегий не требовалось. Я просто вспомнила. И тело само стало холоднее.

— Я не понимала, где нахожусь. Не чувствовала пола. Воздуха. Рук. Ног.

Отец подался вперёд.

— Ты могла видеть?

Я покачала головой.

— Сначала не было даже понятия «видеть».

Мамины пальцы побелели.

— Мираэль...

— Я была сознанием. Наверное.

Я усмехнулась без веселья.

— Даже это звучит слишком уверенно.

Никто не перебил. Я продолжила. Сначала мысль. Потом имя. Не сразу целое. Обрывки. Мира.

Мираэль. Воспоминания не возвращались аккуратно. Сначала ощущения. Люди. Имена. Дом. Лана.

Родители. Каэль. Морвэн. Я не перечисляла вслух всех. Не нужно.

— Мне приходилось буквально удерживать понимание, что я существую.

Мама уже не пыталась скрывать слёзы. Я хотела остановиться. Не стала. Это было важнее. И да. Жестоко полезно. Потому что перед ними сейчас сидела не подозреваемая, скрывающая древнего мага.

Дочь. Которая почти исчезла настолько полностью, что пришлось заново вспоминать, что у неё есть имя. Я ненавидела себя за то, что понимала стратегическую ценность этого одновременно с настоящей болью. Вот это, наверное, и есть взросление. Отвратительно.

— Потом начало возвращаться тело, — сказала я. — Сначала ощущениями. Тяжесть. Холод. Боль.

— Где ты была? — спросил отец.

Вот. Не отвечать быстрее.

— Не знаю, как назвать это место.

Он смотрел. Я выдержала.

— Там было темно?

— Сначала не было даже этого.

— А потом?

— Потом появилось пространство.

Правда. Комната. Коридор. Всё позже.

— Где?

— Пап.

Я покачала головой.

— Я правда не знаю, как назвать это место.

Он хотел продолжить. Мама положила ладонь ему на руку. Не сейчас. Спасибо.

— Сколько времени ты была в таком состоянии? — спросила она.

— Не знаю.

— Дни?

— Я не могла измерять время.

Это было важно. И удобно. Потому что правда.

— Когда стало легче, время всё равно ощущалось странно.

Не ложь.

— Поэтому я и не знала, что здесь прошло семьдесят дней.

Мама медленно кивнула. Вот это она приняла. Легко. Естественно. Сайн не изменился. Но глаза сузились чуть сильнее. Он записывал всё в голове.

Уверена.

— Ты была одна? — спросил отец.

Вот. Вопрос, которого я ждала. Я посмотрела на него. Не отводить. Не торопиться.

Лицо, — сразу Морвэн.

Знаю.

— В начале я не могла определить даже это.

Правда.

— Мираэль.

Отец не отпустит так легко. Конечно.

— Потом?

Я опустила взгляд на чай. Не как человек, который прячет. Как человек, которому трудно. Это даже не пришлось изображать.

— Пап, я сейчас пытаюсь рассказать вам то, что происходило со мной.

Он замолчал.

— Про других людей я сегодня говорить не хочу.

Мама чуть крепче обхватила чашку, а отец выпрямился в кресле. Сайн остался неподвижен, но теперь я особенно остро чувствовала его присутствие у дальней стены. Они все услышали одно и то же: я не отрицаю, что рядом со мной кто-то был.

Я позволила им сделать этот вывод. Подозрение ещё не означало знания, а отказываться от собственного права молчать только потому, что они заметили недоговорённость, я не собиралась.

Хорошо, — тихо сказал Морвэн.

Отец спросил:

— Почему?

Я посмотрела прямо.

— Потому что пока я даже не закончила говорить о себе.

Пауза.

— И потому что после семидесяти дней я имею право хотя бы самой решить порядок собственного рассказа.

Вот. Отец откинулся назад. Не доволен. Но спорить не стал. Мама провела ладонью по краю чашки.

— Хорошо.

Снова это дорогое слово. Хорошо. Я продолжила. Восстановление. Сначала сознание. Потом тело. Магия не приходила.

Совсем. Я описала ощущение. Пустая ладонь. Привычное движение мысли — и никакого ответа. Как будто часть меня, которая всегда была рядом, внезапно перестала узнавать меня.

Вот здесь мама смотрела особенно тяжело. Она знала, что моя теневая магия была со мной с детства.

Дольше половины людей, которых я любила.

— Почему? — спросила она.

Вот наш подготовленный ответ. Я не спешила.

— Думаю, всё сложилось вместе.

— Что именно?

— Инферэль.

Я начала перечислять спокойно.

— Разломы. Существо. Несколько попыток вытянуть мою магию через прямую связь.

Потом то состояние, в котором я увидела структуру пространства. Потом я закрыла разломы.

Потом пыталась лечить Арина, когда у меня почти ничего не осталось.

Мама слушала.

— Моё тело не выдержало.

Я посмотрела на ладонь.

— И связь с магией тоже.

Вот. Правда.

— Она не исчезла как выключенный свет. Скорее...

Я вспомнила утреннюю шутку. Едва не улыбнулась. Нет. Не сейчас.

— Будто всё внутри перестало быть согласовано.

Мама нахмурилась. Хорошая формулировка.

— Магическая структура?

— Да.

— Разорвалась?

— Не думаю.

— Закрылась?

Я посмотрела. Умная.

— Наверное, ближе всего.

Вот. Мама задумалась. Не о Лаксиане. О магии. Именно туда.

— Ты чувствовала источник силы?

— Сначала нет.

— Потом?

— Очень слабо.

— А сейчас?

Я вытянула руку и позволила тонкой тёмной линии подняться вдоль пальцев. Всего одной линии — без двух лент, щита или сложных форм. Пока это был лишь отклик, не более.

Тень дрогнула. Мама резко вдохнула. Отец смотрел на мою магию так, словно впервые за утро позволил себе немного расслабиться. Сайн... Сайн смотрел на магию. Очень внимательно. Слишком.

Я удержала её несколько секунд. Потом позволила исчезнуть.

— Возвращается.

— Сколько ты сейчас можешь? — спросила мама.

— Совсем немного. С защитой пока почти ничего не получается и прежней силы нет.

Крылья тоже пока не возвращаются.

Мама задумчиво кивнула. Сайн едва заметно переменял положение.

Он ожидал чего-то другого? — спросила я.

Понятия не имею.

Очень полезно.

Я тень, а не пророк.

Мама посмотрела на меня.

— Ты сказала, магия начала возвращаться сама?

Вот. Формулировка.

— Да.

Она действительно пришла ко мне.

— Постепенно.

— Ты что-то делала?

— Училась снова получать отклик.

— Как?

Я почти услышала: держи.

Ладонь Лаксиана. Моя тень между нашими руками. Его голос.

Ещё раз.

Тень не исчезает, даже когда я двигаюсь. Не сейчас.

— Как на первом курсе, — сказала я.

И это почти рассмешило меня.

— Звала. Держала. Отпускала. Повторяла.

Мама смотрела.

— Кто тебя учил?

Вот. Слишком быстро. Не дать лицу.

Глаза, — коротко Морвэн.

Я перевела взгляд на маму.

— В первый раз меня этому учили в Веларии.

Она поняла. Укол. Очень маленький. Но хороший.

— Я спрашиваю не это.

— А я отвечаю на то, что могу объяснить.

Отец вмешался:

— Мираэль.

Я подняла ладонь.

— Я не хочу ссориться.

Правда.

— Но если вы хотите, чтобы я сегодня рассказала хоть что-то полезное, не пытайтесь каждый ответ превратить в дверь к следующему человеку.

Тишина. Сайн смотрел. Мама медленно кивнула.

— Хорошо.

Снова. Я выдохнула. Наверное, сейчас Лаксиан бы сказал, что я слишком много объясняю. Чёртов древний манипулятор. Мог хотя бы прийти во сне.

Лицо, — Морвэн.

Господи. Я подняла чашку. Глоток. Спрятала раздражение в чае. Полезная система.

— Каэль рассказал нам о сне, — сказал отец.

— Я предполагала.

— Это действительно была ты?

Я чуть улыбнулась.

— Да.

Отец выдохнул. Даже сейчас это подтверждение что-то для него значило.

— Как?

— Не знаю точно.

Вот подготовлено.

— К тому моменту магия уже начала возвращаться. Я думала о доме. О людях здесь.

Взгляд отца смягчился.

— И выбрала Каэля?

Опасно по другой причине. Совсем не Лаксиан. Но тоже.

— Да.

Одно слово. Мама посмотрела на меня очень внимательно. Нет. Не сейчас. Пожалуйста, не превращайте межмировой допрос ещё и в семейный разговор о моей личной жизни. Я продолжила сама:

— Я хорошо знаю его магию. Его присутствие. Это была самая чёткая связь, которую я смогла удержать.

Правда. Очень аккуратная. Отец кивнул.

— Ты могла сделать это ещё раз?

— Не пробовала.

— Почему?

Потому что мне уже разрешили одну встречу. Нет.

— Это было очень тяжело.

Тоже правда.

— После сна я едва держалась.

Они примут. Приняли. Хорошо. Теперь оставалось худшее. Возвращение. Отец спросил именно об этом.

— Как ты оказалась в саду?

Я посмотрела на него. Морвэн молчал. Знал, что сейчас нельзя отвлекать.

— Когда магия стала достаточно стабильной, я начала чувствовать Эрэбию.

Мама нахмурилась.

— Чувствовать?

— Да.

— Что именно?

— Дом.

Это прозвучало странно. Но красиво. И правда.

— Я не знаю, как объяснить точнее.

Я чуть пожала плечом.

— Запахи. Магию. Что-то знакомое. Сначала очень далеко. Потом ближе.

Сайн поднял глаза. Вот. Следит.

— Ты создала переход? — спросил отец.

Я заставила себя не отводить взгляда.

— Не такой, как открывает Каэль.

— Не портал?

— Нет.

— Пространственная магия?

— Не та, которой владеют Хранители.

Мама посмотрела на Сайна. Очень быстро. Этот обмен я заметила. Они об этом думали. Именно этого я боялась. Хорошо, что ответ подготовлен.

— Тогда что произошло?

Я медленно выдохнула.

— Я держалась за ощущение дома.

Отец ждал.

— И?

— И в какой-то момент оказалась здесь.

Он нахмурился.

— Просто?

— Если бы это было просто, я вернулась бы значительно раньше.

Отец почти улыбнулся. Почти. Мама нет.

— Что произошло между точками?

— Не знаю.

Правда. В том смысле, в котором спрашивает она. Я не знала физику процесса до конца.

— Было ощущение движения?

— Нет.

— Разрыва пространства?

— Я не почувствовала его как разрыв.

Правда.

— Свет?

— Нет.

— Теневая энергия?

Опасно.

— Моя магия участвовала.

Правда.

— Но я не открывала пространственный проход так, как это делает Каэль.

Сайн чуть сузил глаза. Отлично. Пусть сравнивает. Пусть решает, что это какая-то странная реакция мира на наследницу Эрэбии. Главное — не маршрут.

— Можешь повторить? — спросил отец.

Я покачала головой.

— Не знаю.

— Не пробовала?

— Я вернулась меньше суток назад.

Он понял.

— Конечно.

Я посмотрела на маму. Она всё ещё думала. Нехорошо. Но нормально. Подозрение. Не знание. Точно. Его голос всплыл в памяти так ясно, что захотелось закрыть глаза.

Пусть подозревают связь. Но не знают глубину.

Нет. Не сейчас.

Челюсть, — тихо сказал Морвэн.

Я расслабила. Вот зараза.

— В саду не осталось следа перехода, — вмешался Сайн.

Я повернулась к нему. Значит, они уже проверили сад и не обнаружили ничего, что могли бы связать с обычным переходом. Сайн сообщил это как установленный факт, но для меня его слова оказались не менее полезными.

Я встретила его взгляд.

— Значит, вам пока не удалось определить, каким способом я вернулась.

Сайн не ответил сразу.

— Отсутствие следа тоже может кое-что означать.

— Не сомневаюсь. Но это ещё не объясняет, что произошло.

Несколько секунд он смотрел на меня.

— Возможно, это был не обычный пространственный переход.

Я чуть приподняла бровь.

— Именно об этом я и говорю.

Уголок его рта едва заметно дёрнулся. Не улыбка. Скорее признание того, что пока у него недостаточно данных, чтобы спорить.

Красиво, — довольно заметил Морвэн у меня в голове.

Спасибо.

Отец посмотрел на Сайна. Ему явно не понравилось, что тот вмешался. Интересно. Вот ещё один кусок. Возможно, присутствие Сайна всё-таки не было родительским желанием. Запомнить. Мама первой вернула разговор:

— Мираэль.

Я посмотрела. Её лицо стало серьёзнее. Совсем другим. Вот. Следующий блок.

— Нам нужно спросить ещё об одном.

Я уже знала. Наверное, поэтому было легче.

— Спрашивай.

Мама не торопилась.

— В твоей магии раньше было... кое-что.

Очень аккуратно. Осколок. Она не хотела произносить первой? Почему? Проверяет, знаю ли? Чудесно. Я не помогла.

— Что именно?

Мама посмотрела на отца. Отец ответил:

— Фрагмент чужой силы.

Вот. Они всё-таки сказали. Я поставила чашку.

— Вы знали.

Не вопрос. Отец закрыл глаза на секунду. Мама побледнела ещё немного.

— Мираэль...

— Вы знали.

Теперь тише. Не надо играть. Я действительно злилась. Это идеальная эмоция. Настоящая.

— И ни один из вас не счёл нужным сказать.

Мама открыла рот.

— Мы собирались...

Я засмеялась. Без веселья.

— Конечно.

Вот тот разговор. Перед лесом. Её остановка после слов про мою необычную магию. Все эти половины фраз.

— Я спрашивала вас.

Мама опустила взгляд.

— Прямо.

Отец сказал:

— Мы ошиблись.

Вот. Не оправдание. Это немного обезоружило. Ненадолго.

— Да.

Я откинулась в кресле. Сайн стоял у стены. Не вмешивался. Но теперь мне даже было удобно, что он слышит. Пусть Хранители тоже знают, что у семьи не идеальная единая линия.

— Что вы хотите узнать?

Отец смотрел тяжело.

— Чувствуешь ли ты его сейчас?

Вот наш вопрос. Я ответила не сразу. Не потому, что думала. Потому что человек, который отвечает на такие вещи мгновенно, выглядит подготовленным.

Хорошо, — Морвэн.

— Я никогда не умела отделять его от собственной магии.

Правда. Мама нахмурилась.

— То есть?

— Если вы не сказали мне, что внутри меня существует отдельный фрагмент чужой силы, как я должна была научиться различать его?

Вот. Ещё один укол. Заслуженный. Мама отвела глаза. Отец нет.

— Сейчас ты чувствуешь что-то другое?

Я посмотрела на ладонь.

— Сейчас вся магия ощущается иначе.

Правда.

— После того, что произошло, я заново учусь её чувствовать. Поэтому сказать вам: «вот это моё, а вот это чужое» — я не могу.

Отец не спешил.

— Его можно проверить.

Вот. Нет. Не резко.

— Не сегодня.

Мама посмотрела.

— Почему?

— Потому что моя магия только начала возвращаться.

Я повернула ладонь.

— Я не хочу, чтобы кто-то сейчас залезал в неё глубже, чем я сама могу контролировать.

Сайн снова шевельнулся. Едва. Вот. Ему не понравилось. Отлично.

— Мы не причиним тебе вреда, — сказала мама.

Сердце неприятно дёрнулось. Она произнесла это совершенно искренне, и оттого стало только хуже. Я слишком хорошо знала, как далеко могут зайти люди, которые действительно верят, что действуют ради твоего блага.

Мы делаем это ради тебя.

Нет. Не туда. Не сейчас. Я посмотрела на неё. Наверное, что-то всё-таки появилось в лице. Мама увидела. Замолчала.

Хорошо.

— Я знаю, что вы не хотите, — сказала я.

Очень спокойно.

Не «не причините».

«Не хотите».

Разница осталась между нами. Отец её услышал. Сайн — наверняка тоже. Морвэн молчал. Правильно. Мама медленно кивнула.

— Не сегодня.

Спасибо. И тогда отец задал именно тот вопрос, которого я ждала с самого утра.

— На поляне нашли ещё один след.

Я подняла глаза. Спокойно.

— Какой?

— Очень старый.

Пауза.

— По структуре похожий на энергию Лаксиана.

Имя. Вслух. В этой комнате. Сердце ударило. Один раз. Слишком сильно. Вот и всё.

Ничего, — сказал Морвэн.

Я дышала. Отец смотрел. Мама тоже. Сайн особенно. Вот для чего он здесь. Вот настоящий вопрос. Не разломы.

Не существо. Это. Я чуть нахмурилась. Не слишком. Как человек, который услышал опасную, но уже знакомую тему.

— И?

Отец не ожидал. Хорошо.

— Ты что-нибудь об этом знаешь?

Я выдержала секунду. Две.

Нормально, — Морвэн.

— О нём?

— Да.

Я опустила взгляд на чай. Не прятаться. Вспоминать. Архив. Чёрная книга. Наставник. То, что я действительно знала тогда.

— Знаю, что он был одним из древних Хранителей.

Мама смотрела.

— Что занимался границами миров.

Пауза.

— Что нашёл Пустоту.

Сайн не шевельнулся.

— Что решил, будто существующая система равновесия не работает, начал вмешиваться в границы и, в зависимости от того, какую версию читать, либо пытался предотвратить разрушение, либо решил сам всё контролировать.

Отец слегка нахмурился. Я продолжила.

— Что после нарушения какого-то Первого запрета его не смогли уничтожить и разделили на части, закрепив их в разных слоях.

Вот. Всё. Из книги. До леса.

— И что его сознание, возможно, не исчезло полностью.

Тишина. Мама медленно спросила:

— Откуда ты это знаешь?

Я посмотрела на неё. Вот теперь даже притворяться не нужно.

— Из вашего закрытого архива.

Отец прикрыл глаза. Мама выдохнула. Сайн перевёл взгляд на них. О. Это он, кажется, не знал. Прекрасно.

— Ты заходила в закрытый архив? — спросил отец.

— Да.

— Когда?

— До леса.

— Как?

Я приподняла бровь.

— Мы уже говорили об этом до того, как я отправилась в лес. Вы правда хотите обсуждать это именно сейчас?

Он почти раздражённо выдохнул.

— Нет.

— Отлично.

Мама посмотрела на меня.

— Почему ты нам не сказала?

Я не поверила. Просто смотрела. Она поняла сама.

— Хорошо.

— Спасибо.

Отец провёл ладонью по подбородку.

— И это всё, что ты знаешь о Лаксиане?

Вот. Очень осторожно. Сайн смотрит. Мама смотрит. Отец.

Морвэн тихо:

Не отвечай на тот вопрос, который он думает.

Да. Я чуть наклонила голову.

— Это всё, что мне удалось узнать до леса, несмотря на то, что я прямо спрашивала вас о происходящем.

Вот. Не ответила. Совсем. И при этом каждое слово правда. Отец понял. Я увидела. Не содержание.

Приём. Он слишком хорошо меня знает.

— Мираэль.

— Пап.

— Я спрашиваю сейчас.

— А я отвечаю сейчас тем, что могу вам подтвердить.

Вот. Сайн чуть поднял подбородок. Мама замерла. Слишком прямо? Может быть. Но поздно. Подозрение уже есть.

Пусть. Не знание. Отец долго смотрел. Потом спросил иначе:

— Ты видела его?

Вот. Чёрт. Очень хороший вопрос. Морвэн не сказал ничего. Это только мне. Я вспомнила глаза, полные звёзд. Длинные волосы.

Руки. Улыбку. Поцелуй перед границей.

Иди домой, птичка.

Внутри стало больно и тепло одновременно. Держать. Просто держать. Я посмотрела на отца.

— В лесу я видела Арина.

Не моргнул. Хорошо.

— После леса Арина я больше не видела.

Абсолютная правда. Комната молчала. Мама первая поняла странность формулировки. Конечно.

— Я спросила не про Арина.

— Я знаю.

Вот. Сейчас нельзя суетиться. Отец ждал. Сайн тоже.

— А о нём я уже сказала всё, что готова обсуждать сегодня.

Не ответ. Сознательно. И пусть они знают. Подозрение. Не знание. Отец напрягся.

— Почему?

— Потому что вы спрашиваете меня о человеке, о котором сами годами молчали.

Вот. Теперь больно им. Но справедливо.

— Когда я спрашивала до леса, вы знали намного больше меня.

Мама опустила взгляд.

— Сейчас вы хотите, чтобы я за один разговор отдала вам всё, что могла понять сама, пока вы решали, какую часть истории мне вообще разрешено знать.

— Это не одно и то же, — сказал отец.

— Возможно.

Я не повысила голос.

— Но у меня пока нет причин автоматически считать вашу версию полной только потому, что она ваша.

Тишина. Тяжёлая. Сайн больше не выглядел просто наблюдателем. Не потому, что вмешался. Потому что услышал главное. Я изменилась. Вот это они точно поняли.

Мираэль до леса сейчас бы уже спорила. Требовала объяснений. Доказывала. Злилась. Я тоже злилась. Но не отдавала из-за злости лишнее.

Очень хорошо, — сказал Морвэн.

Странно. Мне захотелось, чтобы это сказал другой человек. Нет. Не сейчас. Говнюк даже во сне не пришёл. Потом обижусь. Мама первой нарушила молчание.

— Хорошо.

Голос усталый.

— Не про Лаксиана.

Спасибо. Я чуть расслабилась. Отец не выглядел довольным. Но спорить при Сайне, наверное, не хотел. Вот ещё одна интересная вещь. Надо будет потом подумать.

— Что было после того, как ты восстановила тело? — спросила мама.

Без имени. Без людей. Можно. Я рассказала про слабость. Не всю бытовую часть. Не комнату. Не завтраки.

Не тренировки с Лаксианом. Но ощущение. Как тяжело было пройти несколько шагов. Как тело сначала не слушалось. Как сон мог занять почти двое суток. Как иногда просыпалась и несколько секунд не понимала, есть ли магия. Как отклик появлялся настолько маленький, что помещался на ладони.

Как первое время любое удержание выматывало. Мама слушала. И постепенно вопросы становились другими.

Не:где?

А:болит ли?

Не:кто?

А:могла ли есть?

Не:почему не вернулась раньше?

А:когда начала ходить нормально?

Вот. Мама победила королеву. На несколько минут. Отец тоже перестал искать пробелы.

— Почему ты не дала знать раньше? — спросил он.

Не обвинение. Боль. Я ответила честно.

— Не могла.

— Совсем?

— Совсем.

— А потом?

— Как только смогла сделать что-то достаточно сложное — пришла к Каэлю во сне.

Отец кивнул. Это они знали.

— Почему к нему?

Опять. Господи. Я посмотрела. Он понял по лицу.

— Не сейчас?

— Пожалуйста.

Мама почти улыбнулась. Первый раз за разговор. Совсем чуть-чуть. Отец сдался.

— Хорошо.

Слава всем богам. Сайн, кажется, тоже заметил. Мне на секунду стало почти весело. Межмировая катастрофа. Древний Хранитель. Осколки. И отец всё равно успевает интересоваться моей личной жизнью.

Дом. Безошибочно.

— Каэль сказал, что ты попросила его перестать искать, — продолжил отец.

Вот это уже серьёзно.

— Да.

— Почему?

Я знала. Потому что он бы никогда не нашёл Пустоту. Потому что поиски могли привлечь Хранителей. Потому что Лаксиан был рядом. Потому что я выбрала остаться. Много причин.

— Потому что я была жива и восстанавливалась.

Правда.

— А его поиски уже разрушали его.

Тоже. Отец чуть изменился в лице. Он, наверное, видел Каэля эти недели. Я — только во сне.

— Ты знала, что вернёшься?

Вот.

— Надеюсь.

Честно. Не знала.

— Поэтому попросила ждать.

Мама тихо спросила:

— Тебя удерживали?

Вот. Вчера уже спрашивала. Сегодня снова. Очень важно им. Я ответила без паузы.

— Нет.

Потому что здесь пауза была бы хуже.

— Никогда?

Опасная точность. Я посмотрела на неё. Лаксиан действительно не удерживал. Даже когда мог. Даже когда не хотел отпускать.

— Нет.

Правда. Полная. Мама выдохнула. Отец тоже. Сайн... Сайн снова посмотрел на меня странно. Вот это ему не понравилось.

Почему? Если они подозревают Лаксиана, то ожидали пленницу. А я говорю нет. Запомнить.

— Тебе угрожали? — отец.

— В лесу — да.

— После?

Нет. Лаксиан угрожал половине мироздания, но мне лично? Нет.

— Нет.

Сайн теперь точно среагировал. Очень маленькая складка между бровями. Вот. Морвэн тоже заметил.

Интересно.

Очень.

— Тебе причиняли вред?

Я посмотрела на маму. Вот здесь ответ сложнее. Лаксиан создал тварь. Манипулировал. В лесу его план едва меня не убил. После — нет. Как отвечать?

Правда. Не вся.

— То, что произошло в лесу, причинило.

Она ждала продолжения. Не получила.

— После того как я пришла в сознание, меня не пытали, не держали силой и не заставляли делать что-либо против воли.

Вот. Очень точная формулировка. И правда. Отец посмотрел на Сайна. Сайн не ответил. Почему они вообще обмениваются взглядами? Какая версия у них?

Интересно.

Не сейчас, — Морвэн.

Знаю.

— Кто лечил тебя? — мама.

Вот. Нет.

— Я восстанавливалась постепенно.

— Мираэль.

Мама. Теперь уже терпение заканчивается. Я понимала. Семьдесят дней. Дочь вернулась. И сознательно не называет ни одного человека. Это пугает.

Мне было её жаль. По-настоящему. Но я всё равно не могла.

— Мам.

Я наклонилась вперёд.

— Я понимаю, что это выглядит ужасно.

Глаза у неё блеснули.

— Тогда помоги мне понять.

Чёрт. Вот это больнее любого допроса. На секунду захотелось рассказать. Всё. Просто потому что мама. Лаксиан. Детство.

Ручей. Стирание памяти. Пустота. Поцелуи. Всё. Будь, что будет. И именно тогда я вспомнила.

Если они узнают, насколько тесно ты со мной связана, ты станешь не дочерью, которая вернулась домой. Ты станешь источником.

Голос. Спокойный. Раздражающе разумный. Нет. Я не позволю. Не сейчас.

— Я помогу, — сказала я. — Но не за одно утро.

Мама смотрела.

— Мне нужно сначала самой понять, кому что известно. Что происходило здесь. Почему вокруг дворца столько охраны. Почему представитель Хранителей стоит в кабинете, пока мы разговариваем как семья.

Вот. Сайн. Удар вернулся к нему. Намеренно. Отец нахмурился.

— Охрана поставлена ради тебя.

— Ради меня или чтобы я снова не исчезла?

Пауза. Очень показательная.

— И то и другое, — честно сказал он.

Вот. Спасибо. Я кивнула.

— Хорошо.

Не спорить сегодня. Не сейчас. Потом.

— А Сайн?

Отец посмотрел на него. Сайн всё ещё стоял у стены. Мама ответила:

— Хранители попросили, чтобы их представитель присутствовал при первом разговоре.

Вот. Уже не «Сайн попросил». Хранители. Интересно.

— А вы были согласны?

Мама застыла. Отец тоже. Вот он. Вопрос, который им не нравится. На этот раз Сайн перевёл взгляд с меня на родителей. Я увидела. Очень хорошо.

— Мы решили, что сейчас не время спорить с ними о форме, — сказал отец.

Не ответ. Прекрасно. Я чуть наклонила голову.

— Значит, не совсем.

— Мираэль.

— Что?

— Ты сейчас специально делаешь разговор сложнее.

Я почти улыбнулась.

— Пап, я семьдесят дней была неизвестно где, прихожу домой и обнаруживаю охрану у каждой двери и Хранителя на семейном разговоре. Мне кажется, сложным его сделала не я.

Отец хотел ответить. Мама положила руку ему на предплечье. Он замолчал. Сайн опять ничего. Но теперь я уже знала достаточно. Не их инициатива. Они согласились.

Почему — потом. Страх? Давление Ордена? Необходимость? Посмотрим. Лаксиан был прав. Смотреть самой.

Ненавижу, когда древний придурок прав.

Лицо.

Да чтоб тебя. Я расслабила уголки губ.

— Осталось что-то ещё? — спросила я.

Не потому, что хотела уйти. Потому что пора было понять, какие карты они ещё выложат. Отец посмотрел на маму. Она медленно кивнула.

— Инферэль.

Вот. Я ждала.

— Что о нём?

— Ты говоришь о нём как об одной из причин перегрузки.

— Потому что так и есть.

— Что произошло там с твоей магией?

Я задумалась. Что они знают? В Инферэле магия реагировала на старые структуры. Можно дать физику.

— Она стала сильнее и менее управляемой.

Мама ждала.

— Будто что-то усиливало каждую реакцию.

Тоже правда.

— Тени отзывались быстрее. Пространство тоже.

Сайн опять очень внимателен. Не дать лишнее.

— После этого мне было тяжелее отличать собственное усилие от внешнего давления.

Хорошо. Обтекаемо.

— Ты что-то слышала? — спросил отец.

Вот. Почему этот вопрос? Я посмотрела.

— В Инферэле?

— Да.

Они знают про голоса? Из архивов? От Сайна? Не спешить.

— Много чего.

— Что именно?

— Пап.

Я устало выдохнула.

— Там буквально всё было ненормальным. Звук, магия, лес.

Он смотрел. Не получил. Хорошо.

— Имя? — спросила мама.

Вот. Чёрт. Какое? Лаксиан? Она не сказала. Не помогать.

— Чьё?

Мама замолчала. Вот. Правильно. Если хочет — пусть произносит сама. Сайн чуть повернул голову. Совсем чуть-чуть.

— Неважно, — сказала мама.

О. Вот это очень важно. Запомнить. Она не захотела снова произносить его при Сайне? Или передо мной? Интересно.

Это было красиво, — Морвэн.

Я знаю.

— Что произошло с Арином после того, как ты потеряла сознание? — спросил отец.

Вот. Мы вернулись.

— Я не знаю.

Правда.

— Ты сказала, после леса больше его не видела.

— Да.

— То есть вы разделились?

Опасная формулировка.

— Когда я потеряла сознание, он был рядом.

Правда.

— Когда начала снова понимать себя, Арина рядом не было.

Правда. Вот. Никаких переходов. Никаких лиц. Никакого «он превратился». Отец нахмурился.

— Ты думаешь, он выжил?

Я знала. Но Мираэль, рассказывающая эту версию?

— Надеюсь.

Ложь? Нет. Я действительно надеюсь на существование человека, которым он оказался. Просто не Арина. Хорошо. Мама опустила взгляд.

— Он спас тебя?

Вот здесь почти смешно. Очень. Если бы она знала. Я не позволила себе.

Не смей, — Морвэн.

Я ничего.

У тебя глаза смеются.

Чёрт. Я опустила ресницы, будто вспоминая.

— В лесу мы спасали друг друга.

Правда. Самая идиотская правда всей этой истории. Отец медленно кивнул. Сайн смотрел теперь совсем иначе. Он что-то складывал. Не знать что. И не помогать.

— Есть ли что-то, чего мы не спросили, но должны знать? — спросила мама.

Я задержала пальцы на ручке чашки. Вот он, пожалуй, самый опасный вопрос за весь разговор. Не потому, что мама знала, о чём спрашивает, а потому, что теперь мне самой предстояло решить, какую часть правды считать необходимой.

В голове мгновенно всплыл список.

Да. Арин — Лаксиан. Лаксиан жив. Лаксиан восстановил два осколка. Морвэна не забереёт. Он готовится к войне. Я провела у него семьдесят дней. Я вспомнила детство. Вы стёрли его. Я люблю его. Он любит меня. Я могу попытаться вернуться. Я собираюсь. И вчера перед уходом мы чуть не... Нет. Эту часть даже мысленно сейчас не надо. Господи.

Я сделала глоток уже почти холодного чая.

— Да.

Все трое посмотрели. Морвэн мысленно выругался.

Ты что делаешь?

Спокойно.

— Вы должны знать, что моя магия сейчас нестабильнее, чем была до леса.

Вот. Мама выдохнула. Морвэн замолчал.

— Я могу использовать её, но не хочу, чтобы меня заставляли проходить проверки без подготовки.

Отец нахмурился.

— Никто не собирается заставлять.

Я посмотрела на него. Не сказала ничего. Он понял намёк. Стража. Сайн. Вчерашнее. Мама тоже.

— Хорошо, — сказала она. — Никаких исследований без твоего согласия.

Сайн впервые резко посмотрел на неё. Вот. Вот это было прекрасно. Всего мгновение. Потом лицо снова спокойное. Но я увидела. Морвэн тоже.

О-о.

Молчи.

Это было важно. Мама произнесла обещание при Сайне, а значит, оно прозвучало не только для меня. Если Хранители захотят проверить мою магию, родителям придётся считаться с собственными словами, сказанными в присутствии их представителя. Я мысленно отметила это — и всё-таки не позволила себе расслабиться.

Отец добавил:

— Пока нет прямой угрозы.

Мама посмотрела на него. Чёрт. Условие. Конечно. Я кивнула.

— Принимается.

Пока. Сайн стоял совершенно неподвижно. Но, кажется, именно в эту секунду был недоволен сильнее всего за весь разговор. Прекрасно.

— Ещё? — спросил отец.

Я покачала головой.

— Пока нет.

Он посмотрел на маму. Мама тоже покачала головой. И тогда впервые за всё утро вопросы закончились. Не разговор. Не напряжение. Просто вопросы. Никто не встал.

Сайн остался у стены. Мама всё ещё держала чашку двумя руками. Отец сидел напротив меня, уставший так, будто за последний час прожил все семьдесят дней заново. А Морвэн лежал невидимой тенью у моего кресла. Я выдохнула. Медленно. Внутри тоже стало тихо.

Лес. Инферэль. Бой. Почти смерть. Пустота без имени. Сбор себя. Магия.

Сон. Дом. Я рассказала им всё это. И ни разу не солгала там, где ложь могла однажды меня поймать. Но они не знали, чьи руки держали меня, когда я снова училась стоять. Не знали, чей голос возвращал меня из паники. Не знали, кто сидел рядом, пока магия впервые снова поднялась по ладони.

Не знали, кому я призналась в любви. Не знали, кого поцеловала перед тем, как уйти домой. Не знали, что человек, чьё имя несколько раз сегодня прозвучало как угроза, для меня давно перестал быть легендой из старого архива. И самое страшное — я не чувствовала себя виноватой за молчание.

Было больно. Особенно перед мамой. Перед папой. Но не стыдно. Потому что впервые я не позволяла другим решить, какую правду им положено получить от меня только потому, что они любят меня. Любовь не давала права на всё. Эту мысль я вынесла из Пустоты слишком хорошо.

И если ради неё мне теперь приходилось сидеть в кабинете собственного отца с Хранителем за спиной и тщательно выбирать каждое слово... Что ж. Я уже пережила вещи похуже. Отец первым нарушил молчание. Выпрямился в кресле, и я сразу поняла: теперь он собирается говорить не о прошлом, а о том, что будет дальше.

Почему-то это тревожило даже сильнее.

— Есть ещё одна вещь, — сказал он.

Разумеется. Я удобнее устроилась в кресле.

— Я слушаю.

Отец помолчал. Не потому, что подбирал формулировку. Скорее потому, что заранее знал: она мне не понравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.